

ЛЮ ЧЖЭНЫОНЬ

МОБИЛЬНИК

18+

Лю ЧЖЭНЬЮНЬ

Мобильник

«Гиперион»

2003

ЧЖЭНЬЮНЬ Л.

Мобильник / Л. Чжэньюнь — «Гиперион», 2003

ISBN 978-5-89332-270-5

Трагикомический роман китайского писателя Лю Чжэньюня «Мобильник» (2003) — уже второе его творение, выходящее на русском языке. Как и в сатирическом романе «Я не Пань Цзиньянь» (переведен на русский язык в 2015), в «Мобильнике» в характерной для Лю Чжэньюня остроумной манере рассказана очень китайская, но вместе с тем и общечеловеческая история. Популярный телеведущий Янь Шоуи, став жертвой собственной хитрости, ревности жены и шантажа со стороны любовницы, переживает череду злоключений и теряет семью, работу и самого себя. Мобильный телефон превращается в ахиллесову пяту главного героя. По роману «Мобильник» был снят одноименный кинофильм известным китайским режиссером Фэн Сяоганом.

ISBN 978-5-89332-270-5

© Чжэньюнь Л., 2003

© Гиперион, 2003

Содержание

Первая часть.	5
Вторая часть.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лю Чжэньюнь

Мобильник

Первая часть.

Люй Гуйхуа – со слов телеведущего

1

Лао Ню – сельский телефонист, в 1968 году вместе с отцом Янь Шоуи торговал луком.

До торговли луком отец Янь Шоуи не любил разговаривать. В деревне, где день начинался с восходом солнца и казался длинным, он с утра и до самого вечера мог запросто обойтись десятью фразами. В их число непременно входило шесть штук обиходных словечек. Свое восхищение, начиная с такого значительного события, как пристройка к дому, и заканчивая таким ничтожным, как появление очередного ночного горшка, Лао Янь умещал в слове «дельно». Неудовольствие он выражал фразой «Ну и дела». В остальных четырех случаях он пользовался междометиями. При этом радовался он или злился, реакция была одной: «Твою мать». Но, взявшись за торговлю луком, Лао Янь стал более разговорчив. Прошло каких-то полгода, и он даже мог рассказать целую историю. Янь Шоуи помнит, что тогда в арсенале у его отца имелось две таких истории: одна – про тефтели, а другая – про рисовое печенье.

«Один человек перед Новым годом отправился на базар продавать "духов ворот", охраняющих дом от нечистой силы¹. Рядом с ним оказался торговец гороховыми тефтелями. Человек купил у него четыре цзиня² тефтелей, а торговец по знакомству отвесил ему шесть цзиней. Человек не заметил, как одну за другой слопал все тефтели. Встал было с места, как – бац! – и копыта отбросил».

Другая история такая:

«У одного человека в сезон сбора пшеницы пропала корова. Два дня он бродил по округе, не нашел. Голодный, он пошел обратно в деревню и встретил у околицы знакомого продавца сладостей. "Продай, – говорит, – братец, мне пять цзиней рисового печенья в долг". Съел он все печенье, вернулся домой и с порога попросил у жены воды. А едва выпил, как – бац! – и копыта отбросил».

Когда-то эти истории Янь Шоуи вовсе не казались смешными, но, вспоминая их в сорок лет, он всякий раз смеялся. Сначала Янь Шоуи думал, что отец научился разговаривать благодаря постоянному общению с покупателями. Только позже он узнал, что говорить его научил один человек, тот самый Лао Ню. По вечерам, когда вся семья собиралась на кухне за ужином, отец вдруг ни с того ни с сего мог прыснуть со смеху и, покачав головой, сказать: «Ох уж этот Лао Ню».

Янь Шоуи понимал, что в такие минуты отец весь уносился мыслями к Лао Ню и своему луку. Тогда Янь Шоуи казалось, что торговля луком – это лучшее, что может быть на свете.

В декабре 1968 года, в день зимнего солнцестояния, Лао Ню вместе с Лао Янем, завершив торговлю, возвращались из угольной шахты в Чанчжи, что находилась за двести ли от

¹ Бумажные изображения двух божеств, которые наклеивают на ворота накануне Нового года, чтобы уберечь дом от всякого зла.

² Один цзинь равен 500 г.

дома³. Проезжая деревню Лао Яня, Лао Ню заглянул к ним домой. До своей встречи с Лао Ню Янь Шоуи представлял его рослым, разговорчивым, со звонким голосом. На деле же оказалось, что тот едва выше стола, а из его рта, напоминавшего рот Лэйгуна⁴, вырывались какие-то женоподобные звуки. Доведись раньше Янь Шоуи представить себе встречу с Лао Ню, он бы наверняка стушевался. Он и подумать не мог, что Лао Ню робко улыбнется ему, одиннадцатилетнему мальчишке, снимет шапку-ушанку и вытрет ею выступившую на лбу испарину. Лао Янь пригласил Лао Ню пройти выпить воды. Но когда Янь Шоуи попытался было тоже присоединиться, Лао Янь вдруг пнул его в живот и остерег: «А ну, катись отсюда, сопляк!»

Взрослые уединились в комнате, и Янь Шоуи так и не услышал, про что говорил Лао Ню. Из случайных обрывков фраз он лишь узнал, что столько-то раз они останавливались в дороге на перекус да столько-то корма съел их осел. Потом, кроме бесконечных прихлебываний, он так ничего и не услышал. Ну а когда Лао Ню отправился со своим запряженным в тележку ослом дальше, Лао Янь объявил домочадцам: «Говорить умеет, но сегодня не говорил».

Двадцать третьего числа предновогоднего месяца отец Янь Шоуи, прихватив с собой свиной окорок, направился в деревню к Лао Ню, чтобы заодно подбить их счета за год. Утром его настроение было хоть куда, а вечером он возвратился мрачнее тучи. Усевшись на пороге дома, он долго пыхтел трубкой. Наконец, когда три яркие звезды на небосводе склонились к западу, он встал и, звучно постучав трубкой по макушке, заявил: «Я буду последним идиотом, если снова поеду продавать лук!»

Янь Шоуи рано потерял мать, она умерла от голода в шестидесятом году, так что жили они с бабушкой. От нее-то он и узнал на следующий день про ссору отца с Лао Ню во время дележки доходов. С тех пор как отец распрощался с луком и Лао Ню, он, как и прежде, ходил понурый и замкнутый.

У Янь Шоуи был дядя – муж тетки со стороны матери, звали его Лао Хуан. У себя в деревне он открыл красильную мастерскую. Когда пришла весна, Лао Хуан предложил Лао Яню ходить по соседним деревням и собирать полотно. Но тот лишь покачал головой:

– Для такого занятия требуется зазывала, это не про меня.

– Что, ты не сможешь крикнуть: «Красильня из деревни Хуанцзячжуан!»?

Но Лао Янь снова покачал головой и не согласился.

Весной 1989 года у отца Янь Шоуи обнаружили в мозгу тромбоз сосудов. Старик начал забываться, левая половина тела обездвижилась. Но, в отличие от большинства людей, у которых при этом вообще отказывает речь, Лао Янь, пусть и заикаясь, но все-таки строил целые предложения. Кроме того, в отличие от больных, теряющих память, Лао Янь мог во всех деталях вспомнить свою жизнь, на что не был способен даже будучи здоровым. В конце года Янь Шоуи вернулся из Пекина в родную деревню в провинции Шаньси, чтобы встретить вместе с родными Новый год. Вся семья собралась за праздничным ужином. Расселись по всем правилам: наполовину разбитый параличом Лао Янь – лицом к западу, Янь Шоуи – лицом к северу, и как-то так вышло, что разговор зашел о Лао Ню, о том, как в 1968 году они вместе с отцом продавали лук и как потом рассорились, не поделив деньги. И тогда Лао Янь поднял вверх здоровую правую руку и, тряся ладонью, прерывисто, с большим трудом вымолвил:

– Он подделал счета!.. Где говорят деньги, там молчит совесть!

– Друзьям лучше вообще не стоит вместе заниматься бизнесом, – обронил кто-то за столом.

А Лао Янь ответил:

– Нечестную дележку я, так уж и быть, стерпел. Двадцать третьего числа перед Новым годом мы целый день подбивали счета, и, к вечеру, я, взяв свою долю, собрался домой. Выйдя

³ Один ли равен примерно 500 м.

⁴ В китайской мифологии – бог грома.

за порог, я, вдруг, опомнился, что мы не решили, в какой день после праздников снова поедem торговать. Тогда я вернулся во двор и тут услышал, как Лао Ню говорит своей жене: «Этот Лао Янь – идиот конченный»... Не из-за денег я с ним порвал, а из-за этой фразы.

Сказав это, старик залился слезами:

– Никто со мной в этой жизни не водился, а тут нашелся единственный человек, и тот обозвал идиотом конченным! – Тыча себе в грудь, Лао Янь добавил: – Тошно мне от всего этого.

Летом 1995 года у отца Янь Шоуи случился повторный инсульт, рот его съехал на бок, и старик стал пускать слюни. С тех пор и до самой смерти он уже не разговаривал.

Лао Ню после разрыва с Лао Янем тоже забросил торговлю луком. В 1969 году в их селе установили первый рычажковый телефон, и Лао Янь устроился на почтовое отделение телефонистом. В то время на это место претендовало двадцать с лишним человек. Тогда заведующий почтой Шан Сюэвэнь, чтобы их усмирить, созвал всех желающих и объявил:

– Для телефониста главное – уметь орать во всю глотку. Сейчас каждый из вас попробует поорать, а я выберу.

Двадцать с лишним человек начали поочередно драть глотки, в результате лучшим крикуном признали Лао Ню. И неважно, что голос у него оказался женским, зато в сельпо напротив от его крика полопались стекла. К тому же кричал он не только громче всех, но и дольше всех. Шан Сюэвэнь даже успел зажечь и выкурить целую папиросу, а Лао Ню все продолжал орать. Наконец, Шан Сюэвэнь его остановил и изрек: «Хорош, уже ишака перекричал!»

В 1996 году Янь Шоуи стал ведущим телевизионного ток-шоу «Хочешь? Говори!». Когда он превратился в звезду экрана, вся страна восприняла это как должное, и лишь жители деревни Яньцзячжуан недоумевали: «Как же, твою мать, так случилось, что этого человека, чей отец произносил в день не больше десяти фраз, кормит его язык?»

2

В 1968 году Янь Шоуи дружил с одним мальчишкой, которого звали Чжан Сяочжу. Янь Шоуи родился в год Петуха, поэтому тогда ему как раз исполнялось одиннадцать, а Чжан Сяочжу, рожденному в год Обезьяны, – двенадцать. Голова Чжан Сяочжу напоминала скошенную тыкву, а тонкие руки и ноги – конопляные стебли. Тяжелая, словно жернов, его голова все время свешивалась набок. Правый глаз когда-то был поранен стеклом, поэтому, прежде чем что-то рассмотреть, он всегда тер левый глаз. Мать у Чжан Сяочжу была слабоумной, а отец добывал уголь на шахте в Чанчжи за двести ли от их деревни Яньцзячжуан, поэтому можно сказать, что Чжан Сяочжу жил у бабушки. Янь Шоуи вообще рос без матери, у Чжан Сяочжу мать что была, что не было, поэтому частенько мальчишки ходили в школу вместе. В 1968 году отец Чжан Сяочжу привез ему из той самой Третьей шахты Чанчжи списанный шахтный фонарь. Но если ночью в него вставляли уже отработанный аккумулятор, то все было видно на расстоянии двух ли окрест. Ночи в деревне – хоть глаз выколи, и мальчишки, вооружившись этим фонарем, шли на горный склон за деревней и прямо на небе чертили светом иероглифы. Чжан Сяочжу нравилось писать «Мама, ты – не дурочка», а Янь Шоуи – «Мама, ты где?» Эти две строчки могли продержаться на черном экране небосвода до пяти минут.

Школа в деревне Яньцзячжуан размещалась в бывшем коровнике. Их учителя звали Мэн Цинжуй. В пятнадцатый день восьмого месяца по лунному календарю⁵ Мэн Цинжуй понадобилось съездить на деревенскую ярмарку. Он запер учеников в школе, дав им задание кое-что выучить наизусть. Несколько мальчишек – Янь Шоуи, Чжан Сяочжу, Лу Гоцин, Цзян Чангэнь и Ду Техуань – выбрались из небольшого проема в задней стене, откуда раньше вычищали навоз, скинули обувь, засунули ее за пояса и помчались через речушку на другой склон горы воро-

⁵ Праздник середины осени.

вать арбузы. В их деревне за арбузами присматривал глуховатый Лао Лю. Сперва Янь Шоуи с товарищами собирались украсть арбузы, но, подобравшись к шалашу сторожа и заглянув внутрь, они увидели, как Лао Лю собирается в котелок с кипятком сбросить полную крышку пельменей. Тогда-то им и пришла мысль вместо арбузов своровать пельмени. Янь Шоуи вместе с Цзян Чангэнем побежали на бахчу делать вид, что воруют арбузы. Лао Лю выбежал из своей сторожки за ними, а в это время Чжан Сяочжу, Лу Гоцин и Ду Техуань выудили шумовкой из котелка все пельмени и, положив их в закатанные подолы, побежали обратно за склон, где стали дожидаться Янь Шоуи с Цзян Чангэнем. Янь Шоуи был единственным, кто не поел пельменей. Лао Лю не удалось поймать Цзян Чангэня, зато он поймал Янь Шоуи. После обеда к расследованию этого дела приступил Мэн Цинжуй. Янь Шоуи, не дожидаясь, пока учитель возьмет портновский бамбуковый метр и как следует отстегает ему ладони, выдал своих четырех сообщников: Чжан Сяочжу, Лу Гоцина, Цзян Чангэня и Ду Техуаня. Вечером, когда остальные ученики отправились домой, Янь Шоуи и эти четверо, поставленные к стене, все еще отбывали наказание. Луна в эту ночь пятнадцатого числа восьмого месяца взошла во всей своей красе. Мэн Цинжуй, смакуя привезенный с ярмарки лунный пряник, сказал:

– Вы после пельменей сытые, так что вам по силам простоять до завтрашнего утра, а потом все на занятия.

С тех самых пор Янь Шоуи, пока ходил в школу, так и не решался поднять головы. Он стыдился не того, что участвовал в краже, а того, что выдал товарищей. Больше всего на Янь Шоуи ополчился Чжан Сяочжу:

– Ладно бы других выдал, но ведь я его друг, как он мог предать меня?

С того времени они больше не общались.

Полгода спустя отец Чжан Сяочжу забрал сына к себе на Третий рудник шахты Чанчжи, что за двести ли от их деревни. Поскольку отец Чжан Сяочжу давно уже перевез к себе дурочку-жену, теперь он приехал за сыном, чтобы тот заботился о матери. Как-то вечером за день до отъезда Чжан Сяочжу пришел к Янь Шоуи и подарил ему шахтерский фонарь, которым они когда-то разрисовывали небо. Утром следующего дня Янь Шоуи пришел провожать Чжан Сяочжу, тот рыдал, уткнувшись в дверь бабушкиного дома. Его бабушка тоже плакала. Отец с узлом вещей стоял поблизости. В конце концов бабушка сама оторвала Чжан Сяочжу от двери и велела идти за отцом.

Через три месяца Янь Шоуи получил свое первое в жизни письмо. Писал ему Чжан Сяочжу из Третьего рудника шахты Чанчжи. Почтальон три раза обошел их деревню в поисках Янь Шоуи. Наконец Лао Лю, что присматривал за арбузами, смачно сплюнув на землю, выругался:

– Какой еще, на хер, Янь Шоуи? Это арбузный вор Бай Шитоу⁶.

Сверху на конверте стояла красная печать «Третий рудник шахты Чанчжи». На письме красовалась точно такая же печать. Само послание было очень коротким. Чжан Сяочжу просто интересовался, светит ли еще фонарь, который он подарил Янь Шоуи.

Янь Шоуи написал ответное письмо. Когда оно было готово, он пошел попросить у отца восемь фэней⁷ на почтовую марку. Но как раз тогда отец поссорился с продавцом лука Лао Нью. Будучи не в духе, он отвесил сыну затрещину и матюгнулся:

– Твою мать, за какие-то слова еще и деньги платить!

Так что то письмо так и осталось неотправленным.

⁶ В Китае, кроме официального имени, у детей сохраняется так называемое «детское имя», которое им дают при рождении. Дословный перевод Бай Шитоу – Белый Камешек.

⁷ Денежная единица, равная $\frac{1}{100}$ части юаня.

3

В 1969 году в деревню Яньцзячжуан приехала двадцатилетняя Люй Гуйхуа, вышедшая замуж за одного из местных. Янь Шоуи сразу унюхал, что пахнет она как-то по-особому. В ней присутствовал не только запах, свойственный другим молодым замужним женщинам, к нему примешивалось что-то еще. От нее пахло, как от перезревшей пшеницы, чуть приторно, чуть сладко. Едва она оказывалась рядом, глаза слипались и клонило в сон. Благодаря приезду в 1969 году Люй Гуйхуа Янь Шоуи раньше времени узнал, как пахнут такого рода женщины.

В тот год слава о Люй Гуйхуа простиралась на несколько десятков ли окрест. А прославилась она тем, что до своего замужества успела переспать с Сяо Чжэном, отвечавшим за радиоточку на селе, у которого была жена. В 1969-м жизнь каждого семейства в деревнях регулировали радио. В шесть утра из них доносилась песня «Алеет Восток»⁸, после чего эфир заполняли изречения председателя Мао. Сяо Чжэн отвечал за работу всех-всех сельских радиоточек, а потому даже ночи проводил в радиорубке. Кроме умения разбираться в технике, у него также имелись артистические способности. Именно арии в его исполнении и привели в его рубку Люй Гуйхуа. И тогда в шесть утра, когда Сяо Чжэн на какое-то время вдруг ослабил бдительность, переключив рычажок репродуктора не в ту сторону, изо всех радиоточек вместо песни «Алеет Восток» и последующих изречений председателя разнеслись постельные стоны и вскрикивания. И это вызвало у всех жителей куда больший интерес. Несмотря на это, уже на следующий день место Сяо Чжэна занял Сяо Юэ. Из радиоточек вновь зазвучали «Алеет Восток» и изречения председателя Мао. А те двое, Сяо Чжэн и Люй Гуйхуа, больше никогда не встречались друг с другом.

Через три месяца Люй Гуйхуа вышла замуж за Ню Санынцзиня из деревни Яньцзячжуан. Ню Санынцин вместе с отцом Чжан Сяочжу добывал уголь на Третьем руднике шахты Чанчжи. Услышав о переезде Люй Гуйхуа в их деревню, все жители ополчились против нее. Даже неразговорчивый от природы отец Янь Шоуи и тот, багровый от злости, плюнул в сторону двери и изрек:

– Потаскуха, твою мать!

Однако, увидев Ню Санынцин, он тут же захотел взять ее в жены. Своему отцу он сказал:

– И вовсе она не потаскуха.

– Да она что велосипед, на котором поездили и возвратили, – ответил тот.

Собственно, в сам день свадьбы Янь Шоуи не удалось увидеть Люй Гуйхуа, потому как он вместе с отцом отправился в село продавать свинью. Зато на следующее утро по дороге в школу за околицей деревни он увидел Ню Санынцин, который вез на велосипеде Люй Гуйхуа – они ездили покупать плафон для лампы. Не было ничего удивительного в том, что еще издали Янь Шоуи заметил красную куртку Люй Гуйхуа. Приблизившись, он тотчас уловил ее особенный запах. Тогда же он заметил, что и глаза у нее особенные. С виду – просто щелочки, как у козочки, полузакрытые, но вдруг она широко их распахнула, как бы случайно посмотрев на Янь Шоуи, и сердце двенадцатилетнего парня тут же попало на крючок. Спустя двадцать с лишним лет в горах Лушань Янь Шоуи случилось встретить другую женщину с точно такими же глазами. И тогда он понял, что оружием таких девиц являются не только глаза. То есть днем – безусловно, а вот ночью у них припасено еще и кое-что другое. Тогда же он осознал, что значит выражение «роковая женщина», такие штучные экземпляры можно по пальцам пересчитать. Янь Шоуи только никак не мог взять в толк, каким образом в те годы эта роковая женщина могла появиться в их захолустной горной деревушке в провинции Шаньси?

⁸ Песня, прославляющая Мао Цзэдуна.

Через десять дней после свадьбы Ню Саньцзинь снова уехал за двести ли от дома в Третий рудник добывать уголь. По вечерам Янь Шоуи, Лу Гоцин, Цзян Чангэнь и Ду Техуань отправлялись всей компанией поразвлечься к домику новобрачной Люй Гуйхуа. Теперь их прошлые забавы в сарае, где они выстраивали стратегии по оболещению девчонок, казались им детским лепетом. Сначала, когда мальчишки еще не познакомились с Люй Гуйхуа, Янь Шоуи вместе с ребятами карабкались на гребень стены дома Ню Саньцзиня и уже оттуда тайком наблюдали в освещенное окно за тем, что происходило внутри. Из-за плафона, пристроенного сверху масляной лампы, оконная бумага в их доме пропускала гораздо больше света, чем у других. Прямо за домом Ню Саньцзиня имелась заросшая камышом яма. Мальчишки, пристроившись среди этих зарослей, мостились друг к другу на плечи, после чего осторожно слюнявили бумагу, проделывая в ней дырочки для наблюдений. Каждый день они любовались Люй Гуйхуа – в ярком свете лампы она крутилась по комнате, разучивая те самые арии, которые когда-то исполнял работавший на радиостанции Сяо Чжэн. Больше всего ей нравилось петь арию из «Седой девушки»⁹. Как-то раз она пела-пела, а потом взяла в руки эмалированную кружку и поднесла ее к губам. Мальчишки, естественно, подумали, что Люй Гуйхуа просто решила попить, а она вдруг резко развернулась и выпрыснула набранную в рот воду прямо на окно. Две выстроенные под ним живые лестницы рухнули в камыши. Потом, перескочив через ограду, мальчишки протиснулись в комнату к Люй Гуйхуа, повалили ее на кровать и стали щекотать. Люй Гуйхуа, задрав ноги выше головы, хохотала как сумасшедшая. Вот так они и познакомились. Янь Шоуи, упав в камыши, до крови поцарапал лицо. Памятуя прошлое, когда он заложил товарищей после кражи пельменей, Янь Шоуи теперь всегда чувствовал себя обязанным. Поэтому, когда мальчишки карабкались друг на друга, выстраивая лестницу, он всегда оказывался под задницей Лу Гоцина.

– Ох, да у него кровь идет!

Благодаря царапинам на лице Янь Шоуи очутился в жалостливых объятиях Люй Гуйхуа, которая поставила мальчика перед лампой и стала прижигать его ранки. Вздыхающаяся грудь Люй Гуйхуа, ее запах так одурманили Янь Шоуи, что он чуть не упал в обморок. Такой размякший вид Янь Шоуи вызвал недовольство остальных парней. Лу Гоцин, сплунув на землю, огрызнулся: «Тряпка!»

Люй Гуйхуа вышла замуж двадцать шестого числа девятого лунного месяца. Ню Саньцзинь вернулся на работу в Третий рудник шестого числа десятого лунного месяца. Седьмого числа одиннадцатого лунного месяца Люй Гуйхуа вдруг захотелось позвонить Ню Саньцзиню. На тот момент в ближайшем селе уже месяц как поставили телефон. Между тем знакомство Янь Шоуи и мальчишек с Люй Гуйхуа стало настолько близким, что та запросто ходила при них в лифчике. Как-то раз, когда освещенная лампой комната наполнилась мальчишечьими тенями, Люй Гуйхуа завела такой разговор:

– Кто из вас ездил в село звонить по телефону? Я бы взяла такого с собой на почту.

Мальчишки соскочили со своих мест, наперебой предлагая себя в провожатые. Лу Гоцин рукой остановил всех желающих:

– Поеду я, потому как я телефоном уже пользовался.

Люй Гуйхуа в это время как раз умывалась. Услыхав такое заявление, она приподняла лицо над тазиком и, пока жемчужинки капель стекали вниз, спросила:

– А как звонят по телефону?

Лу Гоцин стащил с себя тапок и прислонил к щеке, изображая следующую сцену:

– Братец Саньцзинь? Это Лу Гоцин. У тебя все нормально? Чем кормят? Кашей или лапшой?

Все засмеялись. Цзян Чангэнь не желал уступать Лу Гоцину:

⁹ Китайская революционная опера, созданная в 1945 году и чрезвычайно популярная в годы «культурной революции».

– Так говорить всякий может, а вот нужный рычажок ты сумеешь переключить?

Лу Гоцин изобразил переключение механизма:

– Чего там уметь? Крутишь себе как водяное колесо и все, чем сильнее, тем лучше.

В этот момент поднялся Янь Шоуи. В прошлый раз из-за своих царапин он удостоился внимания Люй Гуйхуа. Это сразу подняло его авторитет среди мальчишек. И хотя это не изгладило полностью его вину после истории с пельменями, однако временами он уже мог выражать свое мнение. И вот сейчас, в этот ключевой момент, он им воспользовался:

– Лу Гоцин никогда не звонил по телефону. Только позавчера он спрашивал меня, как выглядит телефон.

В ответ на это Лу Гоцин треснул Янь Шоуи по голове своим тапком.

– Я не звонил, а ты-то звонил, что ли?

Янь Шоуи, у которого от оплеухи из глаз посыпались искры, вдруг вспыхнул и припер Лу Гоцину к двери:

– Я тоже не звонил, зато я знаком с Лао Ню, который работает телефонистом.

Припертый к двери Лу Гоцин вытер с губы кровь и, все еще не понимая, спросил:

– Ну и что с того, что ты знаешь Лао Ню?

– А то, что если сам я не умею переключать рычаги, то мне в этом поможет Лао Ню.

Тут на сторону Лу Гоцина встал Ду Техуань и бросил в сторону Янь Шоуи:

– Да ты же и говоришь-то коряво, а если не дозвонишься? Ведь это будет провал.

Янь Шоуи сорвал с себя кепку и швырнул ее в Ду Техуаня:

– Если не дозвонюсь, тогда лично побегу на Третий рудник!

С этими словами он, готовый к драке, снова принял боевую позу. Люй Гуйхуа уже успела умыться и теперь заплетала косы. Обведя взглядом всех мальчишек, она остановилась на Янь Шоуи и произнесла:

– Бай Шитоу, отправляемся с тобой завтра утром.

Так, благодаря Люй Гуйхуа, Янь Шоуи в 1969 году удалось позвонить по телефону. А через тридцать лет Янь Шоуи прикинул, что если бы не Люй Гуйхуа, его знакомство с телефоном состоялось бы как минимум на десяток лет позже. В случае с отдельным человеком это неважно, а вот для целой нации десять лет могут сыграть огромную роль в темпах развития народного хозяйства.

4

В 1969 году у Янь Шоуи начал ломаться голос. Если раньше он звенел, словно у молодого петушка, то теперь вдруг стал сиплым, словно у старичка. Именно этим сиплым голосом Янь Шоуи отстоял возможность отправиться позвонить по телефону. Однако так вышло, что, как и в прошлый раз в истории с пельменями, он снова задел за живое своих товарищей. Более того, теперь это касалось их мужских чувств. Лу Гоцин и остальные посчитали, что для Янь Шоуи, который приделал к своему велосипеду подставку для ног и повез в село Люй Гуйхуа, главным желанием было остаться с ней наедине. На самом деле все было не совсем так. Два месяца назад, когда Чжан Сяочжу прислал письмо Янь Шоуи, у того не нашлось денег, чтобы отправить ему ответ. И теперь он через Ню Саныцзиня, которому собиралась звонить Люй Гуйхуа, хотел передать Чжан Сяочжу, что оставленный им фонарь из-за посаженного аккумулятора уже не светит, поэтому на небе он писать не может. Янь Шоуи хотел попросить Чжан Сяочжу, чтобы тот при случае передал ему через Ню Саныцзиня какой-нибудь старенький аккумулятор. Но ведь не мог же Янь Шоуи поведать обо всем этом Люй Гуйхуа или Лу Гоцину с мальчишками. Они и так-то возмутились, а узнай, что Янь Шоуи преследует двойную выгоду, вообще бы впали в бешенство.

Все это осложнялось тем, что должно было держаться в строжайшей тайне от отца Янь Шоуи. В прошлый раз Янь Шоуи уже получил от него оплеуху за то, что хотел послать письмо Чжан Сяочжу. И если теперь Чжан Сяочжу получит от него устное послание через Ню Саньцзиня, то Янь Шоуи, можно сказать, наступит на те же грабли. Плюс ко всему нельзя было допустить, чтобы Лу Гоцин и остальные сообщили отцу новость о том, что Янь Шоуи собирается ехать в село на почту. Ведь звонить собиралась Люй Гуйхуа, а телефонистом был Лао Ню, то есть дело касалось именно тех двух людей, о которых его отец даже слышать не хотел. Тут как ни крути, а сохранить все шито-крыто и избежать наказания Янь Шоуи было сложно.

К счастью, как раз в эти дни подготовки к поездке старик Янь подхватил лихорадку. До обеда его знобило под тремя одеялами, а после обеда прошиб такой пот, что все три одеяла промокли. Возвратившись от Люй Гуйхуа, Янь Шоуи встал около отца в изголовье кровати и какое-то время просто хмурил брови, не зная, чем же ему помочь, а потом хрипло стал предлагать:

– Пап, тебе холодно? Давай разогрею для тебя кирпич? Пап, тебе жарко? Давай принесу тебе прохладной водички в ковше? – А потом и вовсе жалобно заскулил: – Я скучаю по маме. – Посмотрев на бабушку, добавил: – Нельзя, чтобы папа так мучился.

Отец и бабушка обратили взгляды в сторону Янь Шоуи, а тот продолжал:

– Завтра же утром я съезжу в село и куплю там снадобье.

Отец, закрыв глаза, беззвучно затрясся, а бабушка на это сказала:

– Вот и вырос наш мальчик.

Вот так вот все непросто.

5

Сельский телефонист Лао Ню и торговец луком Лао Ню, казалось, были двумя разными людьми. Когда Лао Ню продавал лук, он запомнился Янь Шоуи своей доброжелательностью, а сейчас в нем торжествовало сплошное высокомерие. В 1968 году голос у него был похож на женский, а в 1969-м стал как у настоящего мужика. Оказывается, смена профессии может даже изменить голос. От деревни Яньцзячжуан до села Уличжэнь на протяжении сорока ли шла горная дорога. На полпути с неба посыпалась снежная крупа. С велосипеда из-за подставки для ног то и дело срывалась цепь. Передвигались с частыми остановками, так что путь до села и так вышел нелегким, а тут еще и приезд выпал на ярмарочный день. Янь Шоуи и Люй Гуйхуа, один с велосипедом, другая с узелком, стали проталкиваться к небольшому зданию почты. Тут Янь Шоуи обнаружил, что, пока протискивался сквозь толпу, потерял один тапок. К этому времени снег прекратился, и он пошел разыскивать в слякоти свою пропажу. Когда же он возвратился к почте, Лао Ню уже стал закрываться на обед.

– Закрываемся, закрываемся, приходите после обеда!

На стене переговорного пункта остались болтаться две связки щелочных батареек. Лао Ню снял телефонный аппарат и стал упаковывать его в деревянный ящичек, после чего навесил на этот ящичек большой замок. Из-за ярмарки народу на почте собралось – не протолкнуться. Янь Шоуи, весь взмокший, все-таки пролез к Лао Ню:

– Дядюшка Ню, я сорок ли проехал на велосипеде, чтобы позвонить.

– Да хоть сто, все равно подождать придется. Тут и мне отдых требуется, и телефону, который устал уже за полдня.

– Дядюшка, моего отца зовут Лао Янь, мы из деревни Яньцзячжуан, раньше он вместе с тобой продавал лук.

Лао Ню уставился на Янь Шоуи, а тот своим осипшим голосом продолжал:

– В прошлом году, как раз на зимнее солнцестояние, ты останавливался у нас.

Лао Ню, глядя на Янь Шоуи, вытащил из заднего кармана связку ключей, собираясь уже было открыть замок, но в самый последний момент вдруг передумал:

– Все равно нельзя, надо мной еще начальник Шан стоит. Пока смена не кончится, я даже отцу родному не могу дать позвонить!

Тут вперед с узлом в руках протиснулась и Люй Гуйхуа:

– Дядюшка, а после обеда во сколько начнете работать?

Лао Ню теперь уже уставился на Люй Гуйхуа, посмотрел-посмотрел на нее и, засмеявшись, сказал:

– Вот поем дома того-сего, да вернусь, считай, что на перекур вышел.

Этим своим вопросом Люй Гуйхуа только все испортила. Из-за нее Янь Шоуи пришлось спланировать этот день восьмого числа одиннадцатого лунного месяца вовсе не так, как он хотел. Для него было лучше позвонить или прямо сейчас, или тогда уже попозже, чтобы за время обеда успеть сбежать отцу за лекарством. Если у Люй Гуйхуа в селе было только одно дело, то у Янь Шоуи – целых три. Ответ Лао Ню про перекур для него оказался ни то ни се, было ясно одно – отлучаться Янь Шоуи не следовало. Еще по дороге сюда Янь Шоуи сомневался, стоит ли рассказать Люй Гуйхуа, что он также поехал отцу за лекарствами. Ведь, скажи он ей про это, выйдет, что у него имелись планы получить двойную выгоду, а это могло испортить их совместный разговор по телефону. В итоге он ничего не сказал, и всю дорогу они ехали молча. Люй Гуйхуа, обхватив его, сидела сзади. А если он раскроет свои карты прямо сейчас и пойдет за лекарством, оставив ее на почте одну, это и вовсе будет выглядеть как обман. Тогда она подумает, что всю дорогу он ее дурачил. Как говорится, казенная соль на деле окажется контрабандой. Поэтому теперь Янь Шоуи надеялся лишь на одно – чтобы Лао Ню пообедал побыстрее, другими словами, чтобы это вышел совсем небольшой перекур. А там уж, после телефонного звонка, он вроде как заодно забежит купить лекарство. В таком случае он лишний раз расположит к себе Люй Гуйхуа, которая наверняка удивится: «Ну надо же, что же ты молчал!»

Итак, Янь Шоуи вместе с Люй Гуйхуа остались сторожить свою очередь. Каждый из них уже съел по паре лепешек, что по времени равнялось небольшому перекуру. Однако обед Лао Ню затягивался. И только когда солнце стало клониться к западу, пришаркал Лао Ню. Зевнув, он объяснил собравшимся:

– Гостей принимал.

Потом он открыл замок на ящичке с телефоном. Народ снова образовал давку. Янь Шоуи стал отчаянно проталкиваться вперед. Сжимая два мао¹⁰, которые дала ему Люй Гуйхуа, он сунул деньги в руку Лао Ню. Тот взял их и спросил:

– Куда звонить будем?

– На Третий рудник в Чанчжи, Третий рудник.

Тут Лао Ню словно очнулся и протянул деньги обратно Янь Шоуи:

– Третий рудник, говоришь? Туда не получится.

– Почему?

– Слишком далеко, больше двухсот ли. Это ж сколько столбов понадобится, тянуть туда линию! Тут в пределах уезда, считай, в нескольких десятках ли, и то связь барахлит, а ты в Третий рудник звонить задумал!

Янь Шоуи готов был расплакаться:

– Дядюшка, да я тут целый день прождал, никуда не отлучался!

– Тогда жди, когда вся очередь пройдет, сначала пусть позвонят те, кому ближе.

Люй Гуйхуа стала уговаривать Янь Шоуи:

– Давай подождем, главное, что позвоним, а когда – неважно.

¹⁰ Денежная единица, равная $\frac{1}{10}$ юаня.

Янь Шоуи с трудом сдержался, чтобы не заплакать. Шансов купить лекарство у него оставалось все меньше. Тут Янь Шоуи стал уже переживать за отца, ведь тот сейчас лежал и мучился в жару. Наконец, когда солнце приготовилось сесть за гору, на почте остались лишь трое: Лао Ню, Янь Шоуи и Люй Гуйхуа.

– Только я предупреждаю, – сказал Лао Ню, – что шансов дозвониться у вас один-два из десяти.

Янь Шоуи к этому моменту уже не волновало, смогут они дозвониться или нет, он снова протянул деньги Лао Ню:

– Дядюшка, мне уже без разницы, как оно выйдет, главное, давай побыстрее.

Лао Ню невозмутимо стал нажимать на рычаг и кричать в трубку:

– Третий рудник, соединить с Третьим рудником!

В трубке послышались прерывистые гудки, после чего связь оборвалась. Лао Ню всплеснул руками:

– Ну вот, я же говорил, не получится, а вы не верили!

Чуть помолчав, он добавил:

– Я тут уже больше месяца работаю, до Третьего рудника еще никто не дозванивался!

Янь Шоуи посмотрел на Люй Гуйхуа:

– Ну что ж, сестрица, тогда пойдем, что ли?

Люй Гуйхуа подошла поближе к Лао Ню и попросила:

– Дядюшка, попробуй еще разок, у меня дело срочное!

Лао Ню посмотрел на нее:

– Так кто же тут без дела звонит? Предупреждаю сразу, последний раз!

Он снова с упорством стал жать на рычаг:

– Третий рудник, Третий рудник!

И тут на удивление в трубке послышался голос:

– Вам кого, куда звоните?

– Да мне не ты нужен, а Третий рудник!

– Это и есть Третий рудник, Третий рудник!

Лао Ню даже несколько растерялся, он все еще сомневался:

– Как это Третий рудник? Туда ведь не прозвониться. Кто это говорит? Кто говорит?

– Это Лао Ма из Третьего рудника, телефонист Лао Ма. А ты кто? Ты кто?

Лао Ню обрадовался как ребенок:

– О, да это и впрямь Третий рудник. Это Лао Ню из села Уличжэнь, телефонист Лао Ню из Уличжэня. Лао Ма, а у нас тут сегодня ярмарка была. Я в прошлом году приезжал к вам лук продавать. Не помнишь меня?

Голос на том конце заколебался:

– Лао Ню, какой еще Лао Ню? Сюда много кто приезжает лук продавать.

– Я приезжал к вам за два дня до зимнего солнцестояния, на мне еще шапка-ушанка была, лук вез ослик хромой, у него нога была об рельсу поранена.

Лао Ма призадумался, ковыряясь в своей памяти, потом неуверенно сказал:

– Вспомнил, вспомнил.

– Лао Ма, у вас там тоже уже скоро стемнеет, еще не ужинал?

– Сменщик пока не пришел, так что не ужинал.

– Что там у вас сегодня, каша или лапша?

– Вчера давали кашу, значит, сегодня, может, будет лапша.

В этот момент Люй Гуйхуа чуть пихнула Янь Шоуи. Тот выступил вперед:

– Дядюшка, дайте хоть моей сестрице сказать пару слов.

Тут только Лао Ню вспомнил, что этот звонок заказывали Янь Шоуи и Люй Гуйхуа. Он неохотно протянул трубку Люй Гуйхуа:

– Говори, да побыстрее, не рассусоливай!

Рука Люй Гуйхуа, взявшая трубку, задрожала, девушка неуверенно промусолила:

– Это Третий рудник? Мне нужен Ню Саньцинъ.

Лао Ма на другом конце провода откликнулся:

– Ню Саньцинъ, а кто это?

– Он добывает уголь в шахте.

– Уголь добывают несколько тысяч человек, это телефон у нас тут один. Как мне прикажешь его искать? Если хочешь что-нибудь ему сказать, говори быстрее, я потом передам.

Тут Люй Гуйхуа передала трубку Янь Шоуи и прошептала:

– Ошибка какая-то, там кто-то другой отвечает, говори ты.

Янь Шоуи взял трубку, рука у него тоже задрожала, он долго не мог ничего сказать. Наконец, Лао Ма на том конце не выдержал:

– Почему молчим? Я сейчас повешу трубку!

Янь Шоуи спохватился и затараторил своим сиплым ломающимся голосом:

– Дядюшка, меня зовут Янь Шоуи, в детстве звали Бай Шитоу, мою сестрицу зовут Люй Гуйхуа, она просто хотела спросить, когда Ню Саньцинъ вернется домой.

– Это весь вопрос? И ради этого вы звоните?

Бац! – и на том конце с чувством повесили трубку. Только сейчас Янь Шоуи вдруг вспомнил, что он забыл сказать еще кое-что, а именно – чтобы Ню Саньцинъ попросил Чжан Сяочжу при случае привезти с собой списанный аккумулятор для фонаря. Однако Лао Ма уже отнял у него телефон и стал запирать его в ящик.

Выйдя из почты, Янь Шоуи посадил на велосипед Люй Гуйхуа и быстренько направился в аптеку за лекарством для отца. Но аптека уже закрылась. Он изо всех сил затарабанил в дверь, но никто не отозвался. Оказавшийся рядом старик, который торговал жареными язычками¹¹, сказал, что хозяин лавки вышел буквально только что. Он направился осматривать заболевшую свинью в деревне Мацзячжуан за пятнадцать ли отсюда. В 1969 году в их селе имелась лишь одна аптека, а ее хозяин лечил как людей, так и скотину. Торговец язычками обмолвился, что приди они хотя бы на перекур раньше, то наверняка бы успели.

6

Когда Янь Шоуи возвратился из села, куда он ездил звонить, отец отстегал его колодезной веревкой так, что на нем живого места не осталось. Стоит добавить, что веревку он сперва еще и намочил. Сына он побил вовсе не потому, что тот не смог привезти лекарство. Даже хорошо, что не привез, потому как вскоре после отъезда Янь Шоуи в село болезнь отступила. Полихорадило пять дней и стало лучше. Встав с кровати, Лао Янь по стеночке вышел из дома, из дома – за ворота. Голова у него еще немного кружилась. На улице шел мелкий снежок, и нечеткие силуэты прохожих расплывались. И тут ему на глаза попался двоюродный брат Янь Шоуи по прозвищу Хэй Чжуаньтоу¹². В этом году парню исполнилось четырнадцать, так что он был старше Янь Шоуи на два года. Пару лет назад, аккуратно на праздник «лаба»¹³, когда дома готовили баранину, мальчишки поссорились из-за бараньего копытца, и Янь Шоуи разбил об голову Хэй Чжуаньтоу тарелку, с тех пор они враждовали и не разговаривали. Поэтому сейчас Хэй Чжуаньтоу из кожи вон лез, чтобы прояснить ситуацию и во всех красках расписать

¹¹ Печенье лепешки в виде бычьих язычков.

¹² Дословный перевод прозвища Хэй Чжуаньтоу – Черный кирпич.

¹³ Традиционный праздник, своего рода прелюдия к китайскому Новому году – празднику Весны. Отмечается восьмого числа двенадцатого лунного месяца. В этот день принято варить сладкую кашу из восьми видов злаков.

старика Лао Яню истинную цель поездки Янь Шоуи в село. Таким образом, то, о чем отцу Янь Шоуи не рассказали Лу Гоцин, Цзян Чангэнь и Ду Техуань, рассказал Хэй Чжуаньтоу.

После порки Янь Шоуи десять дней не разговаривал. В гостях у Люй Гуйхуа он тоже не появлялся. У него тогда было ощущение, что жизнь закончилась. На одиннадцатый день из Третьего рудника шахты Чанчжи вернулся Ню Санынцзинь. А на двенадцатый день в школе Цзян Чангэнь поведал Янь Шоуи, что накануне вечером, когда они сидели у Люй Гуйхуа, Ню Санынцзинь рассказал им историю, как десять с лишним дней назад Янь Шоуи и Люй Гуйхуа позвонили на Третий рудник. Ню Санынцзинь объяснил, что на весь рудник имелся лишь один телефон, поэтому телефонист Ма передает всю информацию о звонках по громкоговорителю. На руднике повсюду горы, конца и края им нет. В тот день, когда Янь Шоуи оставил по телефону свое сообщение, Лао Ма включил репродуктор, и изо всех громкоговорителей понеслось: «Разыскивается человек, разыскивается человек. Ню Санынцзинь, Ню Санынцзинь. Жену твою звать Люй Гуйхуа. Люй Гуйхуа просила узнать, приедешь ли ты в ближайшее время?!» Ню Санынцзинь рассказал, что все это случилось в пересменку, поэтому из самых разных щелей повывезло несметное количество чумазных, увенчанных фонарями шахтеров, в то время как другая партия рабочих, наоборот, спускалась в шахты. На руднике шел сильный снег. Лао Ма по несколько раз повторял одно и то же, а ему вдогонку вторило еще и горное эхо. Из-за этого казалось, что в вихре снежинок вертятся сразу несколько десятков миллионов Лао Ма. Услышав такое сообщение, занесенные снегом шахтеры белозубо улыбались. В следующие десять с лишним дней у них, там, на Третьем руднике, сложилась песенка-прибаутка. Ее каждый день пели в столовой, отбивая ритм палочками по мискам:

Ню Санынцзинь, Ню Санынцзинь,
Жену твою звать Люй Гуйхуа.
Люй Гуйхуа просила узнать,
Приедешь ли ты в ближайшее время.

Янь Шоуи, услышав про это, расплакался.

7

Через тридцать с лишним лет известный телеведущий Янь Шоуи в рамках ток-шоу «Хочешь? Говори!» сделал передачу под названием «Телефонные звонки». Эта передача не только подняла рейтинг ток-шоу на новую высоту, более того, в народе второе дыхание обрела песенка про Ню Санынцзиня и Люй Гуйхуа. В конце года благодаря этой передаче Янь Шоуи по результатам зрительского голосования получил премию «Златоуст». А спустя год дочь Люй Гуйхуа, Ню Цайюнь, приехала в Пекин поступать в театральный институт на факультет актерского искусства и остановилась в семье Янь Шоуи. При первой встрече с Ню Цайюнь Янь Шоуи поразился:

– Как похожа, точь-в-точь твоя мама! Я ведь ее и не видел с тех пор, как она переехала на рудник.

На это Ню Цайюнь, нисколечко не смущаясь, возьми да скажи на своем шаньсийском наречии:

– Моя мама, как увидит вас по телевизору, так сразу смеется. Ту передачу про телефонные звонки она тоже смотрела. Только она сказала, что в тот раз звонить в село с ней ездили не вы. Вы тогда еще не умели ездить на велике.

Янь Шоуи очень удивился:

– И кто же это был, если не я?

– Мама всю ночь вспоминала, а на утро сказала, что никто с ней туда не ездил, в тот год она вообще никуда не ездил звонить.

– Твою мать! – сорвался Янь Шоуи, мысленно возвратившись в 1969 год.

Вторая часть. Юй Вэньцзюань, Шэнь Сюэ, У Юэ

1

Из-за одной случайной оплошности Янь Шоуи развелся. Еще утром, когда он уходил на работу, стояла тишь да гладь, а вечером в доме разорвалась бомба.

– Надо же, как быстро.

Такова была первая реакция Янь Шоуи на разорвавшуюся бомбу. В этом смысле Янь Шоуи знал, что в непредвиденных ситуациях или, например, перед смертью, сознание работает очень четко, настолько четко, что человек успеваеt сказать свою последнюю фразу. Однако бывает, что некоторые фразы не всегда уместны. Очень может статься, что это вообще будет полная чушь. Янь Шоуи вдруг подумал, что все происходящее в жизни напоминает резинку: если ее постоянно растягивать, она удлиняется, удлиняется, а потом вдруг раз – и срывается. То же самое происходит и со временем, которое неожиданно наполняется событиями до предела. Но самое ужасное заключалось в том, что если раньше жена Янь Шоуи, Юй Вэньцзюань, всегда разговаривала степенно и сдержанно, со всеми вела себя исключительно приветливо, то сейчас из-за этой неожиданно разорвавшейся бомбы она строчила как из пулемета. Когда речь уже зашла о разводе, ее «тра-та-та-та-та» за раз было способно смести половину позиций противника. При этом лицо ее оставалось бесстрастным, более того, на нем время от времени появлялась улыбка, в точности как у Дун Цуньжуня¹⁴, который подорвал себя с таким же благостным выражением, как бы говоря: «Пусть я погибну, но взорву этот вражеский бункер». Наблюдая дым после взрыва, Янь Шоуи как-то совсем растерялся. Как ведущий ток-шоу, он всегда слыл весельчаком и балагуром, сейчас же, сдвинув брови, он надолго ушел в себя, не в силах промычать что-то дельное в ответ.

Юй Вэньцзюань страдала от бесплодия. Когда бывшие супруги вышли за порог уличного комитета, где они оформили развод, Янь Шоуи, глядя, как подрагивает удаляющийся силуэт Юй Вэньцзюань, хотел было броситься вдогонку, чтобы сказать ей что-нибудь, но так и не придумал подходящих слов. Когда же Юй Вэньцзюань вернулась, чтобы отдать ключи от дома, он вдруг нашел такие слова:

– Береги свое здоровье, – сказал Янь Шоуи и тут же понял, что ляпнул самое неподходящее из того, что можно было сказать.

Причина развода была совершенно тривиальной. Одиннадцатого февраля Юй Вэньцзюань, благодаря мобильному телефону Янь Шоуи, узнала, что кроме нее у ее мужа есть другая женщина. Сначала Янь Шоуи думал, что Юй Вэньцзюань развелась с ним из-за другой женщины, однако потом оказалось, что была еще и другая причина.

2

У Янь Шоуи был хороший друг, которого звали Фэй Мо. В двадцать-тридцать лет у Янь Шоуи было много друзей. Они то и дело собирались вместе поболтать, им было весело и легко, жизнь бурлила. Но когда всем перевалило за сорок, среди друзей-мужчин остался только один

¹⁴ Дун Цуньжуй – солдат Народно-освободительной армии Китая времен гражданской войны. За самопожертвование посмертно награжден медалью «За храбрость» и орденом Мао Цзэдуна. Известность Дун Цуньжуя сохраняется в Китае и поныне, истории о нем включены в школьную программу.

Фэй Мо, словно, склонившийся над чашечкой кофе, засидевшийся до рассвета постоялец в огромном отеле. Иногда Янь Шоуи силился вспомнить, что же именно они с друзьями с таким жаром обсуждали, но не мог. Сейчас из друзей остался один, но его слова тоже канули в Лету.

Фэй Мо родился в 1954 году в год Лошади и был на три года старше Янь Шоуи. Толстячок-коротышка Фэй Мо преподавал в университете, был пекинцем, носил очки с толстыми стеклами. Вне зависимости от сезона он любил наряжаться в традиционную китайскую куртку, зимой дополняя свой наряд обмотанным вокруг шеи шарфом. В его речи перемежались фразы из древней и современной литературы. Когда Янь Шоуи увидел его в первый раз, тот сразу напомнил ему интеллигента двадцатых-тридцатых годов прошлого столетия. В университете Фэй Мо учился вместе с двоюродным братом матери Юй Вэньцзюань, супруги Янь Шоуи. Янь Шоуи встретился с Фэй Мо шесть лет назад, когда отмечали сто дней со дня рождения сына его одноклассника. Отпраздновать это событие собрались за столом с традиционным «самоваром». Во время первой встречи с Фэй Мо Янь Шоуи показалось, что тот вообще не любил разговаривать. Прошла половина банкета, а Фэй Мо, склонившись над котелком, был поглощен исключительно процессом приготовления мяса, которое он сначала опускал в кипяток, потом обмакивал в соус, а потом, лоснясь от пота, отправлял в рот, при этом не произнося ни слова. Никто не обращал на Фэй Мо никакого внимания, все были предоставлены самим себе. Сначала собравшиеся отпустили несколько шуток о политике, тут же вспомнили какие-то веселые непристойности, потом стали обсуждать то, что было на столе. От пекинского «самовара» они переключились на «самовар» чунцинский, от чунцинского – на сычуаньский. В конце концов Янь Шоуи выступил с утверждением, что если «острых речных раков», которых опускают в котел, производят в провинции Хубэй, где много вонючих речушек и канав, то тогда родиной всех «котелков-самоваров» следует назвать Сычуань, находящийся в самой котловине. И вот тут-то, снимая очки и вытирая пот, взял слово Фэй Мо. Свою речь он произносил не спеша, глядя не на сидящих за столом, а куда-то вверх. Начал он откуда-то совсем издалека. Цитируя каноны, он для начала вспомнил северных инородцев, потом перешел к Чингисхану, потом к Циньской династии, потом к жареным лепешкам из пшеничного теста, заметив, что традиция готовить «самовар» относится ко временам, связанным с падением шести государств и появлением централизованной Циньской империи. Когда рассказ подошел к этой логической развязке, все решили, что Фэй Мо на этом и закончит, однако тот продолжил свою неспешную лекцию от времен Циньской вплоть до последней Цинской династии¹⁵. А подойдя было к Цинской династии, он вдруг снова отвлекся и стал рассказывать о глиняной посуде времен первобытного прошлого. От глиняных изделий он перешел к обнаружению железа, и в результате стал рассказывать сначала о производстве железной, а потом и медной утвари. Когда от медной посуды до поднятой темы «самовара» было уже совсем рукой подать, он вдруг снова отвлекся и начал объяснять разницу между кочевниками и земледельцами, рассказывать о том, как маньчжуры столкнули их лбами...

В конце концов двоюродный брат матери Юй Вэньцзюань обратился к гостям:

– Вы слушайте и кушайте.

Кто бы мог подумать, что это заденет Фэй Мо, который, понутив голову, снова принялся за еду. Он больше не раскрывал рта, оставив маньчжур висеть в воздухе. Таким образом, истоки «самовара» для всех присутствующих так и не прояснились, похоже, кроме Фэй Мо, остальные совершенно бестолково вкушали застольные яства и не задумывались о том, что ели.

После того раза они сталкивались еще, либо на каких-нибудь вечеринках, либо в ресторанах, и всегда Фэй Мо мог поведать что-нибудь совершенно неординарное о самых, казалось бы, незначительных вещах. Но в таких случаях обязательно находился кто-нибудь, кто своей реакцией обижал Фэй Мо. Янь Шоуи, разглядев в нем энциклопедиста, который к тому же

¹⁵ Династия Цинь правила Китаем с 221 по 206 год до нашей эры, а династия Цин – с 1644 по 1911 год нашей эры.

готов делиться своими знаниями, посчитал Фэй Мо подходящей кандидатурой для создания телепередач, а потому пригласил его к себе на работу в качестве эксперта. Ток-шоу «Хочешь? Говори!» посвящалось проблемам жизни общества, разговор в нем шел на самые разные темы, так что Фэй Мо нашлось бы где разгуляться. Что касается должности эксперта, то он без ущерба для своей постоянной работы в университете мог приходить на телестудию в любое время, когда у него не было лекций, и давать советы. Вне зависимости от количества таких советов, ему был обещан весьма приличный ежемесячный гонорар. Кто бы мог подумать, что Фэй Мо дважды откажется от такого предложения?

– Я не смогу, – сказал он.

Янь Шоуи, который уже успел познакомиться с ним достаточно близко, на это ответил:

– Если ты не сможешь, наш народ просто пропадет.

Фэй Мо вытаращил на него глаза:

– Ты мое «не смогу» истолковал не так, как надо.

Тогда Янь Шоуи понял, что, говоря «не смогу», тот имеет в виду «я не хочу».

– Но почему? – спросил Янь Шоуи.

– От слов должна быть какая-то польза, я не могу говорить просто ради денег.

– Ты ведь преподаешь в университете, разве там ты не получаешь деньги как раз за то, что говоришь?

Фэй Мо снова уставился на Янь Шоуи:

– Как можно такое сравнивать? Одно дело – кого-то учить, а другое – выступать в угоду публике, одно дело – наставлять на путь истинный, другое – умалять свои достоинства, одно дело – являться Конфуцием, а другое – шутком гороховым.

Янь Шоуи вдруг окончательно прозрел, и ему пришлось оставить Фэй Мо в покое. Однако через два месяца Янь Шоуи снова стал зазывать его к себе на работу. За эти два месяца Янь Шоуи частенько вспоминал Фэй Мо, который неизменно вызывал у него улыбку. Прямо в точности как у его отца в период торговли луком в 1968 году, когда тот вспоминал Лао Нью. Еще никто из мужчин так не западал Янь Шоуи в душу. Поэтому он обратился к Фэй Мо с такими словами:

– Лао Фэй, я к тебе в третий раз на поклон пришел. Знаю, что ты нашего брата ни во что не ставишь, говорить с нами не хочешь, но считаться с нами должен. На этот раз я пришел к тебе не лично от себя!

Фэй Мо очень удивился:

– А от кого же?

– Я пришел к тебе как посланец от китайского народа. Ты не можешь и далее оставлять нас жить в полном невежестве! А если же твое наставничество ограничивается одним лишь университетом, то тогда ты просто эгоист.

Фэй Мо по-ребячески прыснул и кивнул Янь Шоуи:

– Сколько я тебя знаю, а только сейчас услышал достойную шутку. – Сделав паузу, добавил: – Я же не могу по твоему зову взять и пожертвовать своей совестью в угоду публичной женщине.

– Приходи, пожалуйста. То, что мы просим тебя помочь – не главное.

Фэй Мо снова удивился:

– К чему тогда все это?

– Дело здесь на втором месте, это своего рода предлог, а главное – это то, что мы сможем часто встречаться.

Фэй Мо неотрывно смотрел на Янь Шоуи. Выдержав паузу, он вздохнул:

– Раньше мне казалось, что все это делается лишь ради красного словца, а ты, оказываясь, не чужд человеческим отношениям. Раньше мне казалось, что тебе нужны лишь слава и деньги, а ты, выходит, понимаешь толк в дружбе.

Так Фэй Мо попал на программу Янь Шоуи «Хочешь? Говори!». Сначала Янь Шоуи ни к чему его не принуждал, Фэй Мо мог приходить в любое время, при этом в конце месяца ему непременно выплачивался гонорар. Ну а потом Фэй Мо уже и сам не мог оставаться в стороне и приходил помочь по собственной инициативе.

– Лао Фэй, – говорил Янь Шоуи, – отдохни дома, мы сами справимся.

На это Фэй Мо отвечал:

– Раньше мне казалось, что ты человек великодушный, а ты, оказывается, вон какой бессердечный. Кто не работает, тот не ест. Я тут из-за каких-то копеек места себе не нахожу. Янь Шоуи, не нужно меня без ножа резать.

С тех пор как Фэй Мо присоединился к команде создателей ток-шоу, оно и впрямь изменилось. Сначала Янь Шоуи беспокоился, что Фэй Мо не сможет отказаться от своих профессорских замашек. Все-таки университет и телевидение, как однажды выразился Фэй Мо, это как классический и простонародный жанры. Смысл-то один, а преподнести можно по-разному. Поэтому Янь Шоуи переживал, что Фэй Мо трудно будет подстроиться под новый формат, но тот, вопреки всему, оказался достаточно гибким. Он был одинаково хорош как у себя в аудитории, так и на телекухне, мастерски обыгрывая серьезные или житейские темы. Фэй Мо и говорил, и делал все медленно, но Янь Шоуи никогда его не подгонял. В результате за несколько лет Фэй Мо подготовил достаточное количество передач, каждая из которых проходила на ура. Например, один из выпусков ток-шоу назывался «Письмо от Конфуция». В нем разговор шел о висящих на улицах слоганах, которые зачастую не только написаны с ошибками, но и в содержательном плане выражают не больше, чем глаза идиота. Другой выпуск под названием «Первые школьные годы Клинтона» вышел как раз в то время, когда Клинтон пребывал на посту американского президента, в разгар так называемого дела Моники Левински, от которого Клинтон категорически открещивался. В этой передаче рассказывалось об удручающей успеваемости будущего президента по английскому языку. В ту пору он даже не знал, соединением какого глагола с каким существительным можно описать отношения мужчины и женщины. Был еще выпуск под названием «Изучение языка как безумие», где обсуждалась тема «безумного английского», который изучают китайцы. В передаче просмеивалось то, что сам по себе английский язык уже успел стать безумным, прежде чем свести с ума тех, кто его изучает... Кроме передач на интеллектуальные темы были выпуски, затрагивающие сферу человеческих чувств. Например, в прошлом году, поговорив по душам с Янь Шоуи, Фэй Мо подготовил передачу под названием «Телефонные звонки». В ней рассказывалась история о том, как в 1969 году Янь Шоуи в качестве сопровождающего Люй Гуйхуа отправился на сельскую почту, где совершил звонок по телефону. Телефонный привет за двести ли изначально был адресован лишь одному человеку, никто и не думал, что он отзовется обширным эхом на весь горный район. «Одиночество, это называется одиночество», – заключил Фэй Мо. Музыкальным фоном к начальным и финальным титрам этой передачи стала исполненная музыкальной группой рок-н-рольная песенка про Нью Саныцзинь и Люй Гуйхуа, когда-то звучавшая из громкоговорителей Третьего рудника. Это имело такой потрясающий успех у зрителей, что ток-шоу целый год держалось в лидерах. На одном из совещаний съемочной группы Янь Шоуи сказал:

– Шоу «Хочешь? Говори!» выгодно отличается от других именно благодаря своей культурной составляющей. Почему нам ежегодно удается подниматься на новые высоты, в то время как другие катятся по наклонной? Вся разница в том, что, обращаясь к людям, у Лао Фэя¹⁶ всегда есть что сказать, в то время как у других с этим явные проблемы.

Помолчав, он добавил:

¹⁶ Слово Лао – «старший» – перед фамилией обычно демонстрирует уважительное отношение говорящего к собеседнику.

– Я предлагаю отныне именовать Лао Фэя не иначе как Фэй Лао¹⁷.

Фэй Мо, глядя в окно, вздохнул:

– «И всякий, кто знает меня, говорит, что скорбь в моем сердце и страх. А тот, кто не знает меня, говорит: "Что ищет он в этих полях?"»¹⁸.

Присутствующие хотели было в ответ рассмеяться, но сдержались.

Шло время, и Янь Шоуи заметил, что Фэй Мо как человек искусства все-таки не чужд мелочности. Когда им вдвоем приходилось идти на какое-нибудь мероприятие или банкет, Янь Шоуи как популярного ведущего везде узнавали, а потому, естественно, старались перебраться словечком, сфотографироваться, взять автограф. Фэй Мо же зачастую оставался в стороне. Его эрудиция и знание классических канонов никого не интересовали. Если за столом присутствовал Янь Шоуи, все внимание сосредотачивалось на нем, а не на Фэй Мо. Порою случалось, что последнему не удавалось даже встрять в разговор. Видя такое положение вещей, Янь Шоуи намеренно выставлял заслуги Фэй Мо:

– Это профессор Фэй, – говорил он. – главный эксперт нашего ток-шоу «Хочешь? Говори!». Все наши передачи придуманы им, а я лишь его рупор.

Все удивлялись и тотчас переключали внимание на Фэй Мо:

– Давно ждали случая с вами познакомиться.

Однако, почтительно воздав ему должное, собеседники, подобно мотылькам, ударившимся об лампочку, вновь устремлялись к рупору, оставляя генератор идей без внимания, у них словно сбивался ориентир, направленный на источник света. Фэй Мо все это время пребывал в тоске. А после очередного мероприятия или банкета, уже усевшись в машину рядом с Янь Шоуи, Фэй Мо продолжал дуться. Янь Шоуи как-то раз попробовал в оправдание пошутить:

– Лао Фэй, не бери в голову. Ведь ты – это Конфуций, а я – шут гороховый. Я как думал? Что наш Фэй Лао научит всех уму-разуму. Кто же знал, что народ сам себе будет в этом отказывать? Это проблема качества нашей нации, в свое время сам Лу Синь оказался бессильным перед этим недугом, а теперь на смену ему пришел Фэй Лао. Не обращай ты на них внимания.

Но Фэй Мо угрюмо смотрел на мелькавшие за стеклом уличные пейзажи и молчал.

Как-то раз Фэй Мо задумал передачу под названием «Заметки». В ней он хотел доказать, что личные записи являются более достоверными с точки зрения описания исторических событий, нежели записи в летописях или заметки в газетах. При подготовке к съемкам людям из разных возрастных категорий предлагалось выступить с чтением своих дневниковых заметок. По замыслу Фэй Мо, одновременно следовало выразить такую мысль: человек может попасть и в ад, и в рай, никто на свете не переведет его из ада в рай, зато сам он может запросто перейти из рая в ад. Режиссер ток-шоу Да Дуань в обход Фэй Мо решил представить народные заметки в отсканированном варианте, для чего требовалась компьютерная техника. Для этого он связался с одной компьютерной компанией и предложил ей использовать на съемках ноутбуки их фирмы взамен спонсорской помощи в размере пятисот тысяч юаней. Хотя Фэй Мо и режиссер занимались каждый своим делом, некоторое напряжение все-таки возникло. Но, так или иначе, привлечение в ток-шоу ноутбуков не вносило кардинальных изменений в содержание передачи. Фэй Мо лишь качал головой, но говорить ничего не говорил. Между тем начальник компьютерной компании пригласил Янь Шоуи в ресторан, ну а поскольку готовил передачу Фэй Мо, то Янь Шоуи прихватил с собой и его. Банкет прошел гладко. Начальник компании оказался любителем «Сна в красном тереме»¹⁹. Фэй Мо, который вообще-то преподавал в университете социологию, тем не менее был неплохим знатоком этого романа. Несмотря на то

¹⁷ Если слово «Лао» стоит после фамилии человека, то это выражает подчеркнутое уважение к его персоне.

¹⁸ Строки из древней китайской песни «Там просо склонилось теперь...», входящей в свод народных песен и гимнов «Шицзин» (Часть 1-я «Гофэн», раздел VII. Песни царской столицы). Перевод А. Штукина.

¹⁹ Китайский классический роман второй половины XVIII века, написанный Цао Сюэцинем (1715–1763). Славится как «энциклопедия китайской жизни» и пользуется огромной популярностью у китайских читателей.

что «Сон в красном тереме» каждому из них был дорог по-своему, они тотчас нашли общую тему для разговора, а именно – купание служанки Шэюэ. Их интересовало, присоединился ли к купанию Шэюэ главный герой романа Баоюй, а если да, то насколько интимным было их совместное принятие ванны. Разгоряченные собеседники так рьяно дискутировали, что Янь Шоуи даже и не пытался вставить слово. Банкет приближался к своему завершению, и у Фэй Мо был довольный вид. Однако, когда настала пора расходиться, возникла проблема. Начальник компании со словами: «Пусть служит вам в работе» – вручил в подарок Янь Шоуи ноутбук, обделив подобным вниманием Фэй Мо. Вслед за этим он открыл ноутбук и стал разъяснять Янь Шоуи, как им пользоваться. Фэй Мо снова остался не у дел. Закурив сигарету, он молча уставился на висевшую напротив репродукцию под названием «Выезд Циньского князя в инспекционную поездку». Янь Шоуи понял одно: начальник компьютерной компании ничего не смыслит в делах. Как можно, приходя на встречу с двумя людьми, дарить подарок лишь одному? Пожертвовать пятьсот тысяч и при этом пожалеть денег на еще один ноутбук? Ведь для компьютерной компании это были сущие копейки. Он, видимо, подумал, что Фэй Мо отнесется к этому спокойно. Однако такое пренебрежение кого угодно способно задеть за живое. Председатель Мао как-то назвал роман «Сон в красном тереме» своего рода энциклопедией, а тут вышло, что человек не понял ни одного из его иероглифов. Поскольку ноутбук презентовали лично Янь Шоуи, тому было неудобно тут же передавать его Фэй Мо. После банкета начальник компьютерной компании предложил Янь Шоуи проехать к нему на экскурсию, это приглашение он адресовал и к Фэй Мо:

– Поедьте вместе, посмотрите на нашу компанию, кстати, там у меня в кабинете висит репродукция «Весенний сон Цинь Кэцин»²⁰.

В ответ на это Фэй Мо оторвал свой взгляд от Циньского князя и, гася в пепельнице сигарету, произнес:

– Я не поеду, у меня еще важные дела.

Янь Шоуи также подумал, что, присоединись к ним сейчас Фэй Мо, это только бы усугубило и без того щекотливое положение. Но тут же по простоте душевной ляпнул:

– Ну что ж, оставшиеся хлопоты я возьму на себя, а Фэй Лао мы отпустим дальше трудиться над нашей передачей.

И тут вдруг Фэй Мо изменился в лице:

– Над этой передачей уже можно не думать, ее не сделать!

Собеседники обомлели. Янь Шоуи, застигнутый врасплох, заикаясь, спросил:

– Но почему?

На это Фэй Мо с мертвенно-бледным лицом отчеканил:

– Слишком уж от всего этого несет бизнесом и чванливостью, а это не соответствует духу ток-шоу «Хочешь? Говори!».

С этими словами он поднялся с места, снял с вешалки пальто, накинул на шею шарф и демонстративно удалился. Янь Шоуи в очередной раз убедился, что Фэй Мо горазд перегибать палку, но ведь нельзя же поступаться общими интересами в угоду личным, забывая про совместное дело. Отказ от работы над передачей означал, что пятьсот тысяч просто были выброшены на ветер. Однако Янь Шоуи все равно шел на поводу у Фэй Мо, который, не позволив родиться «Заметкам», умертвил их прямо в утробе матери. Не дав им познать рай, он сразу спустил «Заметки» в ад. Режиссер Да Дуань ставил все это в вину Янь Шоуи:

– Это ты его так разбаловал! Все время с ним сюсюкаешься, затащил его на пьедестал, а теперь каково ему оттуда спускаться?

– И в этом тоже прелесть Фэй Лао, – отвечал Янь Шоуи. – Раньше меня более всего в китайских интеллигентах раздражало отсутствие индивидуальности. А сейчас мне стало ясно,

²⁰ Цинь Кэцин – героиня романа «Сон в красном тереме».

что Лао Фэй – единственный, с кого стоит брать пример. Ты дома хорошенько почитай «Исторические записки»²¹ и посмотри, зачем Сяо Хэ²² гнался в лунную ночь за Хань Синем²³.

Однако Янь Шоуи в разговоре с Да Дуанем умолчал, что его терпение и уступчивость в отношениях с Фэй Мо объяснялись тем, что за какие-то несколько лет они по-настоящему подружились. До сорока лет ты не осознаешь ценности друзей, а вот после сорока, когда возникает желание кому-то довериться, эта ценность вдруг обнаруживается. На людях Фэй Мо нравилось напускать на себя важный вид, однако наедине с Янь Шоуи он, случалось, показывал свое истинное лицо. В основном это происходило, когда они выпивали. Вот тогда-то Фэй Мо переставал быть Фэй Мо, превращаясь в совершенно другого человека. Во время таких встреч один на один говорил лишь Фэй Мо, а Янь Шоуи слушал. Фэй Мо чувствовал, что выговорился, только когда уже начинал брызгать слюной. Но однажды, когда они хорошо поддали, разговорившийся было Фэй Мо вдруг замолк, от него словно отключили электропитание, раз – и все. Прошло немало времени, прежде чем Фэй Мо снова ожил. Но теперь он погрузился в уныние. Неожиданно показав на свой рот, он изрек:

– Язык без костей. – Помолчав, добавил: – На что он еще способен, кроме как болтать без умолку?

Янь Шоуи, который уже достаточно изучил своего товарища, стал его успокаивать:

– Фэй Лао, как ты можешь говорить такое! Ты вот все прибедняешься, а между тем можешь всех нас прокормить только за счет того, что у тебя застряло между зубов.

Не обращая внимания на Янь Шоуи, Фэй Мо продолжал вздыхать о своем:

– Излишняя болтливость свидетельствует о душевной тоске.

И тут по его щекам полились слезы. Янь Шоуи не знал, что и сказать. Со временем и он стал в минуты грусти делиться наболевшим с Фэй Мо. То, о чем он не мог рассказать своей жене, Юй Вэньцзюань, он доверял другу. Кое в чем Янь Шоуи не мог контролировать себя. И если на стороне у него случались какие-то романы, он тщательно скрывал это от всех, кроме Фэй Мо.

Разумеется, у Фэй Мо были моменты, когда он радовался жизни, например, когда работал над ток-шоу. В состав съемочной группы входило десять с лишним человек, и все, начиная от Янь Шоуи и до девушки-оператора, принимавшей звонки по горячей линии, относились к Фэй Мо с большим уважением. Поэтому внимание, недополучаемое Фэй Мо в обычной жизни, он получал здесь. Окружающие могли между строк читать и понимать мысли Лао Фэя, который, как они считали, разбирался в сути всех явлений. И он в свою очередь думал, что только здесь были нормальные, разумные люди. Мало-помалу все члены съемочной группы стали подражать Фэй Мо, это было заметно даже в неспешном темпе их речи. Теперь, обсуждая какие-то бытовые вещи, они все кружили вокруг да около, изъясняясь намеками и недоговорками. Фэй Мо радовался этому как ребенок. Сценаристом ток-шоу была Сяо Ма, которая недавно закончила университет. Если Фэй Мо с портфелем под мышкой заходил в кабинет и встречал там работавшую за компьютером Сяо Ма, он мог рассчитывать, что та тут же пригласит его на чай. И тогда Фэй Мо откладывал свой портфель в сторону и, расплываясь в улыбке, переваливаясь, спешил за Сяо Ма, словно детсадовский малыш за своим воспитателем. Сначала Фэй Мо появлялся на съемочной площадке раз в неделю, потом стал делать это в два-три раза

²¹ «Исторические записки» (Ши цзи) – описание истории Китая в изложении историографа Сыма Цяня (135? – 86? годы до нашей эры) от мифических первопредков до современных автору времен.

²² Советник Лю Бана – руководителя крестьянского восстания «Желтых повязок» и будущего первого императора династии Хань.

²³ Знаменитый полководец, чьи незаурядные способности высоко ценил Сяо Хэ и недооценивал Лю Бан. Известна история о том, как уязвленный Хань Синь решил перейти на сторону другого повстанческого отряда, но Сяо Хэ лунной ночью бросился за ним в погоню и уговорил вернуться.

чаще. Ему казалось, что только здесь он находит то тепло, которого ему так не доставало в обычной жизни.

Ранним утром одиннадцатого февраля Янь Шоуи заехал на своей машине за Фэй Мо, чтобы забрать его на съемки передачи. Как правило, в такие моменты Фэй Мо лоснился от счастья. Янь Шоуи, разыгрывая скромность, брал его портфель, предупредительно открывал дверцу машины, а Фэй Мо только рад был подыгрывать. Но сегодня, когда Фэй Мо протиснулся в ворота своего дома, на лице его лежала глубокая печаль, он никак не отреагировал на подбострастные действия Янь Шоуи, который как обычно взял у него портфель и открыл дверь машины. Янь Шоуи сразу понял, что наверняка вчера вечером у Фэй Мо случились какие-то неприятности дома. Супруга Фэй Мо, Ли Янь, работала в туристической фирме. Будучи обычной служащей, она, как и другие люди, особо не задумывалась о происхождении вещей, не осознавала той важности, которую несет Фэй Мо миру, она вечно ему перечила, что частенько его злило. В этом смысле Янь Шоуи обнаружил у Фэй Мо еще один недостаток: кроме некоторой мелочности, присущей людям искусства, он привык срывать на ком-нибудь свой гнев. Однажды из-за его личных разногласий с директором компьютерной компании передача уже пострадала, таким же образом могли аукнуться его разногласия с женой. Увидев, что, усевшись в машину, Фэй Мо продолжает дуться, Янь Шоуи решил соблюдать деликатность. Выехав из жилой зоны, Янь Шоуи осторожно пошутил:

– Лао Фэй, как поедем: по эмоциональному шоссе Пинъань дадао²⁴ или по рациональному Четвертому кольцу?

Фэй Мо, никак не реагируя, продолжал смотреть в окно. Янь Шоуи ничего не оставалось, как просто молча вести машину. Когда они уже заехали на Четвертое кольцо, Фэй Мо вдруг стал бухтеть:

– Лао Янь, я разве тебе не говорил, что если появляется свободная минутка, то хорошо бы посвятить ее чтению? Ведь недостаток знаний пагубно сказывается на делах.

Янь Шоуи от неожиданности вылупил глаза:

– Что я опять сделал не так?

– Ты вчера вечером смотрел нашу передачу?

Вчерашняя тема ток-шоу звучала так: «Ныне нам чужды изобретения». Эту передачу также помогал делать Фэй Мо, и в ней рассказывалось об инертности и лени китайцев. За пять тысяч лет истории своей цивилизации они не научились ничему, кроме как драться друг с другом. До династии Сун²⁵ китайцы еще успели изобрести порох и компас, но с тех пор и поныне все другие вещи, начиная от стиральной машины и холодильника и заканчивая автомобилем и самолетом, которыми все они бесстыдно пользуются, были изобретены другими.

Вчерашний вечер Янь Шоуи провел за очередным банкетом, поэтому передачи не видел. Глядя на Фэй Мо, он отрицательно покачал головой.

– А ты знаешь, какой ляп ты допустил? Вот когда надо сказать что-нибудь дельное, ты молчишь, а когда не надо, только все портишь. Я вчера мельком смотрел телевизор и тут, стоило мне отвернуться, как ты понес какую-то ахинею. С какой это стати ты приписал изобретение паровой машины Ньютону?

Янь Шоуи удивился:

– А это не он изобрел? А кто?

– Это был Уатт, ты про Уатта слышал вообще?

Янь Шоуи понял, что опозорился, как и то, что вчера вечером дома у Фэй Мо бушевали страсти, и Ньютон с Уаттом были здесь ни при чем. Случись такое при обычных обстоятель-

²⁴ Дословный перевод – шоссе Спокойствия.

²⁵ Династия Сун правила Китаем с 960 по 1279 год.

ствах, Фэй Мо не стал бы выходить из себя. Но сейчас, оставив эти догадки при себе, Янь Шоуи принялся бичевать себя:

– Виноват, плохо знаю этих товарищей.

– Только и всего? В проекте передачи печатают мое имя. Одни-то поймут, что это ты далек от культуры, а вот другие этот ляп припишут мне!

И тут Янь Шоуи неожиданно вспомнил кое о чем намного более важном, чем Уатт и Ньютон. Не обращая внимания на Фэй Мо, он включил правый поворотник и, лавируя сквозь поток машин, стал перестраиваться из шустрой средней полосы в крайнюю правую, пока не остановился у обочины. Фэй Мо с удивлением уставился на него:

– Что это еще за фокусы?

– Мобильник дома оставил.

И так недовольный Фэй Мо вспыхнул:

– И что с того? Поехали на съемки! Если сейчас не успеем, после обеда я уже буду занят.

Янь Шоуи двумя руками сжал руль:

– Юй Вэньцзюань сегодня дома.

Фэй Мо понял, что беспокоило Янь Шоуи: попади его мобильник в руки Юй Вэньцзюань, у Янь Шоуи появились бы проблемы. Тут же позабыв о своем плохом настроении, Фэй Мо кивнул в сторону Янь Шоуи:

– Ага, ты все-таки не случайно обидел Уатта. Ты не в себе наверняка оттого, что в твоём омуте явно завелась какая-нибудь чертовка! Разве я не предупреждал, что если постоянно будешь гулять, то рано или поздно все раскроется? – Пристально посмотрев на друга, он добавил: – С чего ты взял, что твоя чертовка позвонит именно сегодня?

Янь Шоуи, щелкая пальцем по рулю, вздохнул:

– Пугает не то, что предвидишь, а то, чего не знаешь.

Фэй Мо вытащил свой мобильник и предложил:

– А может ты просто предупредишь, чтобы она не звонила, и тогда нам не придется возвращаться?

– Вернее будет иметь телефон при себе, а то вдруг еще случится что-нибудь прямо на съемках.

С этими словами он стал быстро съезжать с развязки, направляясь обратно. Сидящий рядом Фэй Мо снова занервничал:

– Какими бы сладкими не были эти твои пассии, но по сути все они просто потаскухи! Сложно, ох, как сложно таскаться по бабам.

3

У Юй Вэньцзюань, супруги Янь Шоуи, сегодня как раз был отгул. Она работала в инвестиционной компании, связанной с недвижимостью. Когда Янь Шоуи забежал домой за телефоном, она занималась цигуном. Юй Вэньцзюань, будучи родом из Нанкина, любила соленую утку, а Янь Шоуи, как уроженец провинции Шаньси, – домашнюю лапшу. Кроме некоторых столкновений на почве кулинарных пристрастий, десять лет брака они провели тихо и гладко. Двенадцать лет назад, когда Янь Шоуи работал не телеведущим, а сценаристом, в Пекине появилась мода на бальные танцы, и эти двое познакомились на танцплощадке. Позже Юй Вэньцзюань рассказывала, что когда она общалась с Янь Шоуи, то ей нравилось его слушать – тот любил шутить, и она то и дело смеялась. А вот Янь Шоуи, наоборот, она понравилась потому, что больше молчала. Если она и говорила, то неторопливо и непременно с приятной улыбкой на лице. В итоге они поженились. Все их друзья радовались этой свадьбе. Всю малину портило то, что за десять лет брака у них, несмотря на все постельные ухищрения, так и не появились дети. После обследования выяснилось, что проблема не в Янь Шоуи, а в Юй

Вэньцзюань. Тогда она пристрастилась к средствам китайской медицины, а потом, встретив мастера цигун, стала заниматься дыхательной гимнастикой. Кто-то практикует цигун, чтобы излечиться от рака или ради будущего перерождения, а жена Янь Шоуи увлеклась цигуном, чтобы забеременеть в этой жизни. Занятия требовали времени и усердия, но Юй Вэньцзюань относилась к этому с должным спокойствием. Янь Шоуи забавляло ее нешуточное усердие:

– Ну нет у нас детей и не надо, сейчас модно обоим молодым супругам наслаждаться работой, никем себя не обременяя.

Юй Вэньцзюань смущенно улыбалась:

– Я не ради тебя хочу этого ребенка, а ради бабушки.

Под бабушкой здесь подразумевалась бабушка Янь Шоуи. Десять лет назад, когда молодые супруги только поженились, они отправились в семейное гнездо Янь Шоуи в провинции Шаньси, где Юй Вэньцзюань получила в подарок от его бабушки фамильный перстень. Позже, когда они снова приехали туда на Новый год, бабушка сразу устала на живот Юй Вэньцзюань. Янь Шоуи тогда успокаивал жену:

– Она ведь всю жизнь прожила в деревне, что она понимает?

Юй Вэньцзюань на это ответила:

– Ведь я же ей обещала, как я могу ее разочаровать?

Уже потом, наблюдая за Юй Вэньцзюань, Янь Шоуи понял, что она изо всех сил старается забеременеть вовсе не ради бабушки. Зная характер Янь Шоуи, то, как легко его можно растрогать, завести, опоить, то, насколько безрассудным он мог быть, забывая о последствиях, Юй Вэньцзюань боялась его связей на стороне. Поэтому с помощью ребенка она прежде всего планировала удержать Янь Шоуи при себе. Пока тот работал на телевидении простым сценаристом и его никто не знал, ревность Юй Вэньцзюань особо не проявлялась. Но как только он, в силу случайных обстоятельств, занял место ведущего ток-шоу и его передача стала обретать популярность, а сам он постепенно превратился в публичную персону, ревность Юй Вэньцзюань стала очевидной. План Юй Вэньцзюань казался Янь Шоуи до наивности смешным – ну кого может удержать какой-то ребенок? Ведь сколько вокруг разведенных людей с детьми!

Еще спустя какое-то время Янь Шоуи стало казаться, что стремление Юй Вэньцзюань забеременеть обусловлено не только желанием удержать его, ей просто нужно было с кем-то общаться. За десять лет семейной жизни супруги, похоже, уже успели переговорить обо всем на свете. Когда они только-только поженились, они готовы были разговаривать ночи напролет и все не могли наговориться. Теперь же, лежа в кровати, кроме собственно постельных дел, они никак и не общались. Иногда пытались придумать хоть какие-то темы для разговора, но тщетно – все казалось надуманным и лично их никак не касалось. Общение сродни механизму: если вовремя не смазать, обездвижится. В итоге они вообще перестали разговаривать. Как-то раз Юй Вэньцзюань холодно ему заметила:

– Я сейчас слышу твой голос только когда смотрю телевизор.

Янь Шоуи тогда удивился. Но с тех пор напряжение между ними только нарастало. К счастью, оба к этому привыкли, и Юй Вэньцзюань уже особо не страдала. Заметнее всего отсутствие разговора проявлялось во время еды, когда единственным звуком за столом было постукивание палочками. Наконец, однажды Янь Шоуи обнаружил, что Юй Вэньцзюань разговаривает кое с кем другим. Как-то вечером, почувствовав себя неважно, он сбежал с банкета пораньше. Перешагнув порог дома, он не сразу увидел Юй Вэньцзюань, лишь направившись в спальню, чтобы прилечь, он вдруг заметил на кровати сидящую к нему спиной Юй Вэньцзюань. Обняв плюшевую собаку, она без умолку изливала ей душу. Рассказывала о том, как в детстве она любила плакать, а не смеяться, о том, как ее папа работал на одном из заводов по производству радиоприемников в Нанкине, а мать на улице топила печь, на которой грела чай для продажи. О том, как мать била ее той самой лопатой, которой обычно вычищала печку. О том, как ее дядя, жирный боров, положил на нее глаз и когда ей было пятнадцать... В общем все

то, о чем когда-то она не рассказала Янь Шоуи, она теперь рассказывала игрушечной собаке. Услышав все это, Янь Шоуи вместо того, чтобы проникнуться сочувствием к жене, ощутил невыразимый ужас. Он потихоньку выскользнул из дома и целый час бродил по улицам, прежде чем снова осмелился вернуться. С тех пор он перестал вникать в проблемы жены, одержимой мыслями о ребенке.

Нельзя сказать, чтобы Янь Шоуи был доволен своим браком, но и жаловаться ему особо было не на что. Жена напоминала ему лежащую в буфете засохшую пампушку, про которую он вспоминал только когда хотел есть, а когда он был сыт, она его совсем не прельщала. Конечно, он испытывал чувство вины за то, что гуляет на стороне за спиной у Юй Вэньцзюань, однако вечера дома, когда они просто молча сидели друг напротив друга, угнетали его еще больше. Если в других семьях супруги постоянно ссорились, то в доме Янь Шоуи целый год царил покойствие. В какой-то период своей жизни Янь Шоуи реально завидовал тем семейным парам, которые устраивали скандалы прямо посреди оживленной улицы. Разгоряченные супруги вели себя так, словно вокруг никого не было, словно на всем белом свете остались лишь они вдвоем. Сколько страсти, безрассудства и выдумки было в их обоюдных ругательствах!

Тем не менее разводиться Янь Шоуи не думал. Человек – что собака, которая со временем привыкает к определенным условиям и уже не желает менять свое логово. Впоследствии Янь Шоуи обнаружил, что дело тут не только в этом, – он действительно очень сильно привязался к Юй Вэньцзюань. Пусть она молчала, но в основе ее молчания лежала не только холодность, в нем также было много тепла. Зимой 1999 года Янь Шоуи, прямо как его отец тридцать лет назад, заболел лихорадкой. Случай Янь Шоуи оказался даже тяжелее. Утром его колотило от озноба, словно комната превратилась в холодильник, после обеда бросило в такой жар, что он чувствовал себя ошпаренным крабом, а вечером он и вовсе начал бредить. В своем забытии он унесся на тридцать лет назад. Темной-темной ночью он снова вместе с другом детства Чжан Сяочжу держал в руках шахтный фонарь, выводя прямо на небе за древней иероглифы. Чжан Сяочжу писал: «Мама, ты – не дурочка», а Янь Шоуи: «Мама, ты где?». Его мать, простая крестьянка, которая в 1960 году умерла от голода, сейчас предстала перед ним в облике кинозвезды. С распущенными волосами, яркой помадой на губах и в белой юбке, она прижимала голову Янь Шоуи к своей груди. Ну а сам он плакал, обнимая размалеванную матушку. Очнувшись, он увидел, что находится в больнице, при этом уже наступил полдень следующего дня. И голову его прижимала к себе вовсе не мама, а Юй Вэньцзюань. Она обнимала его, словно свое новорожденное дитя. И тут Янь Шоуи понял, что плакал вовсе не он, а Юй Вэньцзюань, а на него капнула ее слезинка. Увидев, что он пришел в себя, Юй Вэньцзюань хотела было вернуть его голову на подушку, чтобы взять с прикроватной тумбочки молоко и попить его. Но Янь Шоуи, прижав ее к себе, сказал:

– Не шевелись.

И Юй Вэньцзюань осталась на месте, обнимая его голову. Так они и просидели без еды до самого вечера. Тогда же Янь Шоуи почувствовал от Юй Вэньцзюань тот самый запах пшеничного поля, который впервые ощутил несколько десятков лет назад. Этот запах сподвиг его на то, что, даже будучи в полуобморочном состоянии, он поклялся себе никогда не расставаться с Юй Вэньцзюань.

Конечно же, в каких-то мелочах Юй Вэньцзюань не устраивала Янь Шоуи. Во-первых, она была уж слишком благопристойной, напоминая ведущую новостей, которой можно было любоваться только через экран телевизора. Днем с ней хоть куда, а вот ночью начинались проблемы. То, что она не могла забеременеть, уже не суть важно, важнее, что со временем ее принадлежность к женскому полу как-то сама по себе стерлась. Во-вторых, по ночам, начиная с 1999 года, после той лихорадки Янь Шоуи, Юй Вэньцзюань любила спать, обнимая его голову точно так же, как она делала это в больнице. Поначалу Янь Шоуи это даже нравилось, но потом такое сюсюканье с ним, мужчиной, которому уже перевалило за сорок, стало его напрягать.

Кроме того, когда твоя голова более часа находится в чьих-то объятиях, это затрудняет дыхание, и ты начинаешь проваливаться в темноту. Так что такой способ молчания явно неприемлем. В-третьих, у Юй Вэньцзюань была мания чистоплотности, каждый день перед сном она принуждала Янь Шоуи принимать душ. Янь Шоуи, который все свое детство провел в деревеньке на юге провинции Шаньси и вряд ли мылся даже раз в год, начав совместную жизнь с Юй Вэньцзюань, почувствовал себя настоящим свинтусом. Тем не менее он был намерен и дальше культивировать эту свою крайность. В-четвертых, в 1996 году умер его отец, который к тому времени уже тронулся умом и не мог разговаривать связно. За месяц до его смерти Янь Шоуи вместе с Юй Вэньцзюань отправились в провинцию Шаньси, чтобы его поведать. Как раз в то время на телевидении шла работа по созданию ток-шоу «Хочешь? Говори!». Спустя десять дней после приезда Янь Шоуи в отчий дом ему позвонили с телевидения и попросили вернуться в Пекин, чтобы пройти кастинг ведущих. Янь Шоуи спешно отправился в Пекин, оставив отца заботам Юй Вэньцзюань. Спустя двадцать дней отец Янь Шоуи умер. Когда же Янь Шоуи вернулся на похороны, его двоюродный брат, Хэй Чжуаньтоу, по секрету пожаловался ему на невестку, которая за видимой приветливостью скрывала свою черствость. Пока Янь Шоуи не было, отец жаждал перед смертью поговорить с Юй Вэньцзюань, но та сидела у кровати, не обращая на него никакого внимания и думая о чем-то своем. В результате отец так и не оставил никакого наказа. Но, поскольку он все равно уже умер и следовало думать о похоронах, Янь Шоуи не стал выпытывать у жены подробности. К тому же он понимал, что человек, лишившийся разума, никакого наказа оставить не мог. После похорон, когда они уже возвращались на поезде в Пекин, Юй Вэньцзюань сказала Янь Шоуи, что его отец перед самой смертью как-то странно себя вел: увидав, что она сидит рядом, он стал предпринимать попытки, приставая, ухватить ее за руку. Поначалу жалобы Хэй Чжуаньтоу на Юй Вэньцзюань не рассердили Янь Шоуи, но теперь он разозлился. Но не на Юй Вэньцзюань – он был зол на то, что благодаря этой правде ему раскрылась правда другая. Их отец промолчал всю свою жизнь. И с тех пор, как в 1960 году умерла от голода мать, родные, включая повзрослевшего Янь Шоуи, не позаботились о том, чтобы найти отцу другую женщину. Обустройство его личной жизни как-то упустили из виду. С того времени Янь Шоуи стал винить себя в этом. Однако все перечисленные проблемы он ни разу за десять лет открыто не высказывал, создавая видимость благополучия.

Подъехав к своему дому, Янь Шоуи оставил Фэй Мо в машине, а сам, перескакивая через ступеньки, помчался наверх. Уже перед самой дверью он остановился, чтобы перевести дух, после чего вроде как небрежно переступил порог. Он помнил, что рано утром, выходя из дома, оставил телефон на обувной тумбе. И сейчас, не обнаружив его там, он невольно содрогнулся. Когда Янь Шоуи вошел в гостиную и увидел, что Юй Вэньцзюань как всегда занималась под музыку цигуном, присутствие духа вновь вернулось к нему. Юй Вэньцзюань, не открывая глаз, спросила:

- Почему вернулся?
- Документы забыл, – ответил Янь Шоуи.

С этими словами он подошел к журнальному столику и стал рыться в бумагах. Взяв какие-то бумаги, он вроде как собрался уходить, но тут, словно неожиданно спохватившись, он похлопал себя по карманам:

- И мобильник дома оставил.

Сказав это, он взял телефон с кресла, у которого находилась Юй Вэньцзюань.

– Тебе только что звонили три раза, – откликнулась та. – Сначала со съемочной площадки, торопили тебя, поскольку все зрители уже собрались, потом позвонил один журналист, хотел взять у тебя интервью. А еще звонила одна женщина, представилась как У Юэ.

Янь Шоуи, продолжая двигаться на выход, деловито гнул свою линию:

- Понял.

Тогда Юй Вэньцзюань открыла глаза:

– А кто такая эта У Юэ? Она явно рассчитывала услышать не меня, и ее развязность, кстати, настораживает.

Сердце Янь Шоуи екнуло, тем не менее он притворился спокойным:

– А, да это из одного издательства, все пристаёт ко мне, чтобы я написал автобиографию. Ученица Чжан Сяоцюаня, это ее обычная манера разговаривать.

Чжан Сяоцюань был одноклассником Янь Шоуи в университете. Такие ситуации уже случались. Когда Янь Шоуи затруднялся объяснить что-либо, он уже знал, что стоит лишь назвать какое-нибудь знакомое имя, и Юй Вэньцзюань перестанет докапываться до истины. С этими словами Янь Шоуи вышел из дома.

Однако он не ожидал, что сегодняшний день в его жизни станет особенным.

4

Ток-шоу «Хочешь? Говори!» Янь Шоуи вел уже семь лет. И ему это порядком надоело. То же самое происходит в отношениях большинства супругов. Первое время он чувствовал себя в роли ведущего точно влюбленный на первых свиданиях. Он так сильно волновался, что, когда выходил на сцену, у него тряслись ноги и дрожал голос. В самый разгар беседы его могло вдруг неожиданно заклинить, и тогда ничего, кроме пустоты, он не видел. Спустя год он притерся к этой роли, овладел необходимыми мастерскими приемами, узнал, как направить разговор в нужное русло. И вот тогда он ощущал себя всадником, который мчится на коне по широкой степи в дальние дали. Но прошло семь лет, конь и его всадник состарились. Былая страсть затерлась привычной картинкой пастбища, и Янь Шоуи превратился в обычного скотовода, для которого выпас коня давно стал рутинной. Стоя на сцене, с микрофоном в руке, он напоминал артиста, который каждый день снова и снова играет самого себя. Собственно, подобное происходит и в жизни. Хотя здесь имеется одно серьезное отличие. Жизнь – это постоянная круговерть, поэтому, если застыть в своем развитии, человеку, с которым ты живешь, это сразу станет заметно. Другое дело – твое появление в кадре. Тебе кажется, что ты уже не тот, что прежде, а вот у зрителей будет противоположное мнение, им даже покажется, что ты в лучшей форме. Ведь привычка друг к другу – большое дело. Родное или знакомое дитя – это одно, а чужой отпрыск – совершенно другое. Поэтому даже если ты будешь смотреться как корова на льду, все будут рукоплескать твоей грации. Но вот задумай ты измениться, первой реакцией окружающих станет несогласие. Посыпятся вопросы: «Неужели это он? Что это вдруг случилось с соседским ребенком? На кой сдалось тебе чужое поле? Ведь там нет никакого золота». Когда Янь Шоуи только начинал, у него существовал со своим зрителем молчаливый договор: мол, пока мы вместе, пусть все остается как есть. Это напоминало средних лет супругов, погрязших в рутине. И теперь Янь Шоуи злило не то, что его аудитория не стремится совершенствоваться, а то, что сам он был уже не в силах побороть эту ситуацию. Это нашло подтверждение в ходившей про него шутке: «Твой язык принадлежит не тебе, а нашему народу». В этом также была причина того, что в стороне от видеочамер, в обычной жизни Янь Шоуи разговаривать не любил. В этом крылась еще одна причина их совместного с Юй Вэньцзюань молчания. Именно народ погубил Янь Шоуи. Наигравшись в себя по телевизору, Янь Шоуи не хотел то же самое делать в обычной жизни.

Семь лет назад Янь Шоуи открыл и продвинул на роль ведущего некий Ли Лян, в ту пору работавший заместителем директора телеканала. В Янь Шоуи Ли Ляна привлекла вовсе не его внешность – Янь Шоуи красавцем не был. Ораторским искусством или умением вести беседу он тоже не отличался, зато во время разговора его лицо выражало полную невинность. Так пусть же эту передачу будет вести человек с таким вот невинным лицом. В те времена ведущие разных передач все как один напоминали ведущих новостей. А Ли Лян взял и нарушил

эти стандарты. Но буквально полгода назад к Ли Ляну возникли претензии у прокуратуры, и его арестовали за финансовые махинации, связанные со спонсированием одной вечеринки. Ли Лян, в обычной жизни такой уверенный и изворотливый, едва на него надели наручники, показал себя с совершенно другой стороны. Распустив слюни, он тут же признался во всех своих экономических нарушениях за десять с лишним лет, за которые он успел присвоить себе более двух миллионов. В результате он попал за решетку и на страницы газет. Это весьма удивило Янь Шоуи. При этом его удивило не то, что Ли Лян крал деньги или то, что, попав в такую ситуацию, он тотчас раскололся. Его удивило, как это Ли Лян, такой умный человек, не смог предложить взятку. Янь Шоуи очень хотел как-нибудь наведаться в тюрьму к Ли Ляну, но так и не набрался храбрости, поскольку все знали его в лицо.

Янь Шоуи забрал мобильник и вместе с Фэй Мо в спешном порядке прибыл на телевидение, опоздав на целых полчаса. Зрители, давно заполнившие зал на съемочной площадке, уже стали выказывать волнение. У одной женщины ребенок стал хныкать, что хочет в туалет. Оркестр, сопровождавший шоу, наигрывал легкую музыку, чтобы потянуть время. Длинные штативы видеокамер не переставая двигались в пространстве в поисках подходящего ракурса. Янь Шоуи позволил гримеру слегка припудрить лицо, накинул знакомый всем пиджак в клетку и быстро вышел на сцену. Тут же загорелся яркий свет, Янь Шоуи в почтительном поклоне согнулся перед публикой:

– Прошу прощения, я опоздал, на дорогах пробки. Но, разумеется, пробки не такая уж важная причина. Так и быть, признаюсь, прямо в дверях я столкнулся с одной телеведущей. Не буду называть ее имени, только скажу, что с этой душечкой я совсем потерялся во времени. Итак, я во всем признался, только прошу не выносить это потом за пределы студии.

Это был хороший ход, все засмеялись. На съемочной площадке стало спокойнее.

– Многие впервые участвуют в съемках нашего шоу, поэтому, прежде чем начать запись передачи, я кое-что объясню. Все прекрасно видят, что сейчас у нас за окном день, однако скоро я буду говорить, что у нас вечер, поскольку наша передача выходит в эфир вечером. Поэтому, когда у нас будут происходить такие метаморфозы со временем, прошу вас не смеяться.

Зрители снова засмеялись. Атмосфера в зале окончательно разрядилась. Каждый, что называется, успокоился и душой, и телом. Что же касается Янь Шоуи, он эти слова произносил уже тысячу с лишним раз. Его это уже изрядно утомило, но зрители, которых он разогревал, слышали все это впервые и потому разражались дружным смехом. И от этого Янь Шоуи также испытывал чувство неловкости. В это время красный огонек на всех камерах в студии загорелся, и Янь Шоуи начал вести передачу:

– Всем добрый вечер, с вами ток-шоу «Хочешь? Говори!» и я, его ведущий Янь Шоуи²⁶. Сегодня тема нашей беседы звучит так: «Через сколько лет брак подходит к опасному рубежу?». Эту передачу подготовила недавно поступившая к нам на работу выпускница университета Сяо Ма, которая в настоящее время еще не замужем.

Публика снова засмеялась. Самому Янь Шоуи претил этот ироничный образ ведущего, но он уже столько раз оправдывал себя, поэтому Янь Шоуи продолжал:

– Но прежде чем мы приступим к беседе, мне бы хотелось извиниться перед всеми зрителями, собравшимися в этой студии и у экранов телевизоров. В прошлом выпуске под названием «Ныне нам чужды изобретения» я приписал изобретение паровой машины Ньютону. Главный эксперт нашей передачи, господин Фэй Мо, который является профессором университета, достаточно хорошо знаком с Уаттом, а потому он уточнил, что паровая машина была изобретена вовсе не Ньютоном. Только что я связался по телефону с Ньютоном, и он обмолвился, что паровая машина как изобретение для него слишком уж заурядна, другое дело открытый им

²⁶ На китайском языке название ток-шоу «Хочешь? Говори!» («Ю и шо и») и имя ведущего (Янь Шоуи) созвучны.

закон всемирного тяготения. Так что, похоже, я допустил ошибку, в чем глубоко раскаиваюсь перед нашей широкой аудиторией!

С этими словами Янь Шоуи отвесил низкий поклон в кадр. В студии зааплодировали и засмеялись.

Пока Янь Шоуи вел передачу, Фэй Мо вместе с другими работниками ток-шоу сидели в режиссерской рубке и наблюдали за ним через целый ряд мониторов. Когда Янь Шоуи упомянул Фэй Мо и разговор по телефону с Ньютоном, все засмеялись и посмотрели на Фэй Мо. Тот, вместо того чтобы улыбнуться, нахмурился:

– Нет чтобы самому что-то придумать, все слизывает.

– А с кого? – спросила Сяо Ма.

– С американки Опры Уинфри. Она – пример для тысяч ведущих во всем мире, но все пытаются скопировать лишь наносную мишуру.

Тут он начал выходить из себя:

– Нет чтобы поучиться у нее технике острой дискуссии, так берут только всякую ерунду.

В это время на экране монитора появился Янь Шоуи:

– Через сколько же лет брак подходит к опасному рубежу? Через три года, пять лет? В народе есть такое выражение, как «зуд седьмого года». Моему браку десять лет, так что для меня этот опасный рубеж уже пройден. А вот эту передачу я веду как раз семь лет. Сколько человек из присутствующих в зале состоят в браке уже более семи лет?

По залу прокатилась волна оживления, зрители наперебой потянули руки вверх.

– Похоже, процент уцелевших все еще высок, – весело заметил Янь Шоуи.

Зрители засмеялись. Фэй Мо снова нахмурился:

– И все-таки душа у него не на месте. Говорит одно, а думает другое.

– Почему я этого не замечаю? – спросила Сяо Ма.

Фэй Мо похлопал ее по плечу:

– Наверное, потому что еще не замужем?

5

Когда Ли Лян попал в беду, на телевидении для режиссеров и ведущих стали проводиться специальные тренинги. Сначала им обещали только лекции по политике, праву и этике. После ухода Ли Ляна, его место замдиректора канала занял новый человек, который, войдя в должность, стал, что называется, мести по-новому. Поэтому в содержание тренингов включили еще и повышение квалификации в сфере конкретных профессиональных навыков. По этим четырем предметам в конце года нужно было сдавать экзамен. Уже прошли три лекции по политике, праву и этике, а с сегодняшнего дня после обеда прибавлялись еще и тренинги профессионального мастерства для ведущих. Янь Шоуи с утра провел передачу, а вечером вместе с другими ведущими поспешил в театральное училище, чтобы прямо как студент учиться сценической речи. Аудитория представляла собой обычный лекционный класс со ступенями, половина откидных стульев сломана, длинные ободранные парты пестрели матерными словами. Вокруг обшарпанные, словно покрытые лишаями, большие стены. Из-за расположения на первом этаже аудитория выглядела темной, грязной и холодной. Всего на тренинге собрался двадцать один ведущий, они вели самые разные передачи. Каждый из них зарабатывал на жизнь тем, что говорил. Другими словами, все они и так уже были горазды болтать, а сейчас пришли этому поучиться, что выглядело несколько комично. Так как все они ежедневно мелькали в кадре, то людьми были известными. Однако известными они ощущали себя лишь среди обычных людей, точно так же ведет себя верблюд, попадая в стадо овец. Сейчас же, когда верблюды собрались вместе, всем было наплевать, кто есть кто. Попав в эту убогую обстановку, они оживились, словно перенеслись лет на двадцать назад в студенческие годы. Попутно стали

упрекать Ли Ляна, который не научился давать взятки, смалодушничал, и тем самым не только себя подставил, но и на других навлек беду. Ведь эта промерзшая аудитория была не лучше тюрьмы.

Прозвенел звонок, и в класс вошла, заняв место у кафедры, преподавательница, которой на вид было лет двадцать семь – двадцать восемь. Ее распущенные волосы, большие глаза, выразительный нос и худощавое телосложение произвели на всех неожиданно приятное впечатление. От ее появления в этой холодной аудитории вдруг стало намного теплее. Однако на ее непроницаемом лице не было даже намека на улыбку, она смотрела прямо перед собой и, кажется, никого не видела. Янь Шоуи, заметив ее сходство с ведущими новостей, остался к ней безразличен. А вот сидящий рядом с ним Ма Юн, который вел передачу «Накал страстей», похоже, не на шутку возбудился. Лицом Ма Юн походил на хряка – бровки-венички да глазки-щелочки. Но именно эта его наружность и смешила зрителей. Толкая Янь Шоуи, Ма Юн указал своей пухлой ручкой в сторону кафедры:

– Сейчас не часто встретишь таких недоступных красоток.

– Ты сбавь обороты, все-таки она наш преподаватель.

Между тем преподавательница, встав за кафедрой, вместо чтения лекции достала список и стала как в школе отмечать всех присутствующих:

– Ду Янань!

Ду Янань вела передачу «Театр смеха». Во время своей передачи, если даже действие никого не смешило, она всегда смеялась первой. Однако сейчас она оставалась серьезной и, когда ее вызвали, просто ответила:

– Здесь!

– У Даин!

Толстяк У Даин вел передачу «Домашний очаг». На этот раз никто не отозвался.

– У Даин! – повысила голос преподавательница.

Какой-то «доброжелатель» тихонько откликнулся:

– Его нет.

Преподавательница напустила на себя суровый вид и спросила:

– Кто дал ему право пропускать занятия?

«Доброжелатель» снова подал голос:

– У него, кроме «Домашнего очага», работа в комедийных сериалах. Откуда взять время еще и сюда ходить?

На лице преподавательницы появилось раздражение, но, сдержав себя, она продолжила перекличку:

– Ся Даньсинь!

Ся Даньсинь вел новости. В аудитории снова никто не откликнулся. И снова послышался уже знакомый голос:

– У него интервью с одним руководителем из ЦК!

Тут все увидели, что отвечает за всех Чжэн Байчуань. Он был комментатором спортивных передач и вечно что-нибудь путал в своем тексте: «Только что миновал Праздник середины осени, поздравляю всех с уходящим годом». Или: «Обратите внимание на интересный фасон шорт теннисисток. Шорты у них особенные, в их карманы вмещается сразу несколько теннисных мячиков. Ой, а на них, оказывается, юбки». Зрители воспринимали его как шута. Вот и сейчас он лез со своими сомнительными комментариями. Преподавательница, бросив взгляд в сторону Чжэн Байчуаня, пошла вниз по списку:

– Ма Юн!

Похожий на хряка Ма Юн, точно школьник-сорвиголова, нагло задрал голову и выкрикнул:

– Здесь!

Его голос раскатисто отразился от стен аудитории, все засмеялись. Преподавательница, мельком взглянув на Ма Юна, продолжила:

– Ли Пин!

И снова со своими комментариями полез Чжэн Байчуань:

– А вот она вечером ничего не ведет, должна была прийти, но не пришла. Как так? Ведет передачу про учебу, а сама учиться не хочет?

Преподавательница с непроницаемым лицом пошла дальше:

– Янь Шоуи!

В этот самый миг в штанах у Янь Шоуи задрожал телефон. Перед тем как войти в аудиторию, он отключил на мобильнике звук, поставив виброрежим. Вытаскивая телефон, он быстро отозвался. Найдя его своим выразительным взглядом, преподавательница вызвала следующего:

– Цуй Дапэн!

Цуй Дапэн вела детскую передачу. Ей уже перевалило за сорок, но ее привычной прической оставались два торчащих хвостика. Тут же послышался ее писклявый голосок:

– Здесь!

Преподавательница закрыла папку со списком и посмотрела на присутствующих:

– В группе двадцать один человек, а пришло только одиннадцать? Отсутствующих я буду рассматривать как прогульщиков!

Собравшиеся в аудитории злорадно усмехнулись. Преподавательница, посмотрев на них, перешла к главному:

– Меня зовут Шэнь Сюэ, на этих курсах я буду преподавать вам мастерство сценической речи. Сегодня на первое занятие не пришло почти что полгруппы. Они нарушили дисциплину, оставим это на их совести. По лицам тех, кто все же явился, я вижу, что необходимости в тренинге вы вроде как не испытываете. Я видела передачи, которые вы ведете. Не буду давать оценку их содержанию, свое внимание мне хотелось бы обратить на то, что речь каждого из вас не соответствует стандартам. И артикуляция, и дикция оставляют желать лучшего. В нашем институте мы требуем от артиста говорить со сцены без микрофона, при этом каждый звук должен долетать до зрителей на последнем ряду, иначе это будет просто невежливо...

В этот монолог тихо встрял Ма Юн:

– Учитель, уж не про девятнадцатый ли век вы говорите?

Шэнь Сюэ никак не отреагировала на его замечание, но зато приблизилась к Янь Шоуи, который в это время склонился над своим мобильником. Он пытался ответить на эсэмэску.

– Янь Шоуи, неужели вам не известно, что во время лекции нельзя пользоваться телефоном?

Неожиданно услышав голос прямо над собой, Янь Шоуи вздрогнул. Захлопнув крышку мобильного, он поднял голову и с улыбкой ответил:

– Я только посмотрел и все.

Шэнь Сюэ обвела взглядом аудиторию:

– Я знаю, что все вы люди известные, я всех вас уважаю, однако надеюсь и на ваше уважение ко мне.

Янь Шоуи тут же добавил:

– Да все вас уважают, вы лучше переходите уже к лекции, а то скоро занятие закончится.

Шэнь Сюэ вдруг очень остро восприняла эти слова Янь Шоуи и уставилась на него:

– Что вы хотите этим сказать?

Янь Шоуи стал, заикаясь, оправдываться:

– Да ничего такого. Просто уже прошла половина занятия, они все чем-то недовольны, а я вообще сию помалкиваю и ничего не имею против.

С этими словами он, не обращая внимания на Шэнь Сюэ, снова уткнулся в телефон и стал набирать сообщение. Он никак не ожидал, что Шэнь Сюэ, побелев от гнева, вырвет из его рук мобильник и вышвырнет из окна. Хорошо еще, что там была трава, иначе телефон точно разбился бы.

– Вы должны понимать, что это институт, а не телестудия!

Янь Шоуи, который никак не ожидал, что его телефон могут просто так взять и выбросить, тоже разозлился.

Резко выдохнув, он встал и показал в сторону окна:

– Преподаватель Шэнь, я понимаю, где я нахожусь, и сейчас мне кажется, что вы должны найти и вернуть мне мой телефон!

Все замерли. Прошла, наверное, целая минута, прежде чем Шэнь Сюэ все-таки вышла из класса. Еще минуты через две Янь Шоуи получил свой телефон обратно. Швырнув мобильник на парту Янь Шоуи, Шэнь Сюэ сказала, указывая на дверь:

– Если вы еще раз придете на мои занятия, я уйду!

Сказав это, она расплакалась. Тут Янь Шоуи понял, что дело приняло дурной оборот. Всем собравшимся тоже показалось, что шутки их зашли слишком далеко. Чжэн Байчуань, Ма Юн, Цуй Дапэн один за другим стали успокаивать Шэнь Сюэ:

– Не сердитесь. Этот Янь Шоуи не заслуживает ваших слез!

– Да не сердитесь, ему лишь бы пособачиться, не может без своих шуточек, у него что на уме, то и на языке!

Цуй Дапэн потащила Янь Шоуи к кафедре:

– А ну живо пиши объяснительную, прямо на доске пиши!

Янь Шоуи понял, что должен уступить Шэнь Сюэ, чтобы совсем уж не выглядеть хамом. Тем более, он торопился ответить на эсэмэску той самой «бестии», что возмутила его спокойствие этим утром. Поэтому, взяв мел, он написал следующее:

«Учитель Шэнь, я был не прав. Сегодня утром, перед уходом на работу, моя мама сказала: "Досаждай кому угодно, только не учителю. Иначе не сдашь экзамен". Разволновавшись, я забыл это наставление».

Весь этот текст Янь Шоуи намеренно написал кривеньким ученическим почерком. Все рассмеялись. Шэнь Сюэ сквозь слезы тоже улыбнулась:

– Янь Шоуи, какой же вы бесстыжий!

6

Рядом с Пятым кольцом проходил трубный водоспуск, здесь же находилась безлюдная тополиная аллея, а рядом – маленькая речушка. Вечерняя мгла постепенно стерла очертания между небом и землей, однако стойкий туман над речкой по-прежнему был различим. Машина Янь Шоуи притулилась прямо между деревьев. Туман размыл ее контуры. Мчавшиеся по Пятому кольцу машины уже зажгли фары. Струящийся от них в двух направлениях свет делал автотрассу похожей еще на одну быструю речку.

Янь Шоуи в это время как раз резвился в машине. Вместе с ним резвилась девица по имени У Юэ. Подстриженная под мальчика, на лицо далеко не красавица, к тому же в левом уголке ее рта примостились несуразные веснушки, зато фигура у нее была что надо: тонкая талия, подтянутые ягодички, пышный бюст. Когда пробираешься к ней под одежду, кажется, что держишь в руках два баскетбольных мяча. Зимой У Юэ любила носить короткую курточку, чтобы та при случае могла обнажить белоснежную полоску ее поясицы. Но более всего пленяли ее удивительные глаза. Полузакрытые, с поволокой, они в какую-то секунду вдруг широко открывались, в упор глядя на тебя, и тут же подсаживали на крючок. Янь Шоуи она напоми-

нала Люй Гуйхуа, с которой он познакомился в 1969 году. Имя У Юэ означало пятый лунный месяц – сезон, когда в провинции Шаньси созревали пшеница и абрикосы.

Янь Шоуи и У Юэ познакомились в горах Лушань²⁷. Прошлым летом в рамках ток-шоу «Хочешь? Говори!» вышла передача под названием «Заседания». Дело в том, что за двадцатый век, начиная с революционного республиканского периода и вплоть до эпохи Мао Цзэдуна, в Лушане состоялось самое большое количество заседаний. И каждое из них было захватывающим и эмоциональным, поэтому съемочная площадка ток-шоу переместилась в Лушань. У Юэ работала редактором в издательстве «Панда», которое как раз проводило в Лушане новогодний корпоратив. Сценарист и режиссер ток-шоу «Хочешь? Говори!» Да Дуань в студенческие годы учился вместе с директором издательства «Панда» Лао Хэ. Все они разместились в одном отеле и вечером собрались вместе за ужином. Так как Янь Шоуи был человеком известным, многие работники издательства старались завести с ним разговор и сделать совместное фото. Янь Шоуи, отпуская шуточки, был рад стараться. Лао Хэ, прищелкивая языком, восхищался:

– Да мне сегодня вечером никто не поверит!

– В смысле? – спрашивал Янь Шоуи.

– В том смысле, что сегодня я сидел за одним столом с самим Янь Шоуи, – продолжал восхищаться Лао Хэ. – Не думал, что наше национальное достояние окажется таким простым человеком.

Только тут Янь Шоуи понял, что попался на удочку Лао Хэ. Однако, будучи уже навеселе, он пощупал себя за голову и пошутил:

– Да, я тоже обычный человек.

Он никак не ожидал, что сидевшая напротив У Юэ вдруг холодно заметит:

– А кто же вы еще, если не обычный человек? Янь Шоуи, а вам не кажется, что ваша известность несколько дешевая?

Сидевшие за столом, равно как и сам Янь Шоуи, остолбенели и уставились на У Юэ. А та, пристально глядя на Янь Шоуи, продолжала:

– Вы просто телевизионная картинка. За пределами телестудии вы – никто!

Ее слова вызвали некоторое замешательство. Янь Шоуи даже несколько протрезвел. Пока они ужинали, он ни разу не обратил внимания на У Юэ. Сама У Юэ тоже не претендовала на то, чтобы заговорить или сфотографироваться с Янь Шоуи. Сейчас же, глядя на нее, Янь Шоуи сразу оценил ее томные глаза. На секунду они широко открылись и словно мечом пронзили Янь Шоуи в самое сердце. Хотя ее замечание прозвучало несколько колко и эпатажно, по сути оно было разумно. Янь Шоуи протянул к ней свой бокал:

– Премного благодарен за напоминание, а то я бы и не понял, что съел несколько зубчиков чеснока. Выпьем.

Этот его тост разрядил атмосферу за столом. Директор издательства поспешил заметить:

– Лао Янь не единственный, кто является телекартинкой. Взять, к примеру, наших партийных лидеров или руководство страны. Попади они в династию Цин, их бы чттили как императора, но зато, появившись они на улице, их никто бы и не признал. Выпьем.

К концу ужина Янь Шоуи окончательно напился. Перед сном все пошли на прогулку под луной к озеру Жуциньху. Вниз прямо со скал в лунном отблеске с журчанием стекали струйки воды. У Юэ к концу банкета тоже захмелела. Постепенно они с Янь Шоуи отделились от группы сослуживцев. Хмель обоим развязал руки. У Юэ чуть наклонилась, обнажив под луной свою белоснежную талию, которая оказалась даже белее, чем сама луна. Руки Янь Шоуи тут же устремились к ее коже. У Юэ, откинувшись, захохотала, после чего вдруг вплотную прижала свое лицо к носу Янь Шоуи:

– Ты хочешь заняться со мной любовью?

²⁷ Живописный горный массив в южной провинции Цзянси.

Эта ее фраза снова отрезвила Янь Шоуи. Не то чтобы раньше он не гулял на стороне. Просто в случаях с другими девушками он добивался их постепенно, ему еще никогда не предлагали переспать вот так вот, в лоб. Янь Шоуи отдернул от нее руки. Заметив его растерянность, У Юэ, снова откинувшись, захохотала. Потом она вдруг провела своей рукой по лицу Янь Шоуи и сказала:

– Я в сто втором.

После этого она бросила Янь Шоуи и поспешила присоединиться к коллегам впереди.

Далеко за полночь Янь Шоуи спустился с третьего на первый этаж и вошел в сто второй номер. Что это было, чего только стоили ее груди и стоны! Они одновременно достигали вершины экстаза. А каким жаром исходила ее кожа, похоже, градуса на два горячее, чем у обычных людей. Прикасаясь к ней, можно было расплавиться, хорошо еще, что есть кости, способные выдержать такую температуру. А еще у У Юэ имелось кое-что не поддающееся описанию, что-то типа тоненькой антеннки, выходящей из лба, благодаря которой она не только отправляла, но и получала сигналы. Впервые в своей жизни Янь Шоуи познал, что такое полное удовлетворение. Вместе с тем этот опыт подтвердил, что до этого он удовлетворения не испытывал, включая общение с Юй Вэньцзюань и другими женщинами. Все прошлые разы вдруг показались ему совершенно пресными и безвкусными. Однако и это еще не все. Более всего его возбуждало, что во время близости У Юэ не переставала сыпать самой отборной матерной бранью. И совращенный ею Янь Шоуи следовал ее примеру, выкрикивая самые непристойные и грязные словечки, которые он никогда раньше не произносил вслух. С двух часов ночи и до шести утра эти двое не могли утихомириться. Без передышки работали как их тела, так и их языки. Кроме телесного удовлетворения, они испытали удовлетворение душевное – от выплеснутой словесной грязи очистилось все их нутро. Как будто после замусоленной одежды надели чистую рубашку, подарившую ощущение общей свежести. Когда рассеялась ночная мгла, наступило ясное утро. Янь Шоуи впервые оценил пользу от бранных слов. Благодаря им человек словно заново рождался, очищаясь и душой, и телом. Такое вот дезинфицирующее средство. Когда в то утро Янь Шоуи явился на съемочную площадку, ноги у него подкашивались, да и говорил он как-то сбивчиво. Да Дуань быстро распорядился отключить камеры и подошел к нему:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.